

КЕМБРИДЖСКАЯ
ИСТОРИЯ
КАПИТАЛИЗМА

Том 1
Подъем капитализма:
от древних истоков
до 1848 года

Коллектив авторов

**Кембриджская история
капитализма. Том 1. Подъём
капитализма: от древних
истоков до 1848 года**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2014

УДК 338(091)

ББК 65.03

Коллектив авторов

Кембриджская история капитализма. Том 1. Подъём капитализма: от древних истоков до 1848 года / Коллектив авторов — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2014

ISBN 978-5-93255-606-1

Первый том Кембриджской истории капитализма содержит подробный рассказ о развитии капитализма с самых ранних его этапов. Начиная с его далеких истоков в Древнем Вавилоне, главы тома одна за другой прослеживают его путь до «земли обетованной» капитализма в Америке. Авторы из разных стран рассуждают о вкладе цивилизаций Греции, Рима и Азии, а также империй Китая, Индии и Аравии в развитие капитализма в широких географических рамках и сравнительной перспективе. Они определяют, какие черты современного капитализма присутствовали в каждом рассматриваемом времени и месте, а также причины того, почему различные предшественники капитализма не смогли выжить. Рассматривая итоговый успех средневековой Европы и примеры городов-государств Северной Италии и Нидерландов, авторы рассказывают о том, каким образом британский меркантилизм привел к европейским имитациям и американским успехам и в конечном итоге о том, как капитализм стал глобальным. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 338(091)

ББК 65.03

ISBN 978-5-93255-606-1

© Коллектив авторов, 2014
© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2014

Содержание

Авторский коллектив	7
1. Введение	8
Концепции капитализма	10
Подъём капитализма в примерах	15
Литература	26
2. Вавилон в I тысячелетии до нашей эры – экономический рост в имперский период	29
Введение	29
Среда и «традиционная» парадигма древней месопотамской экономики	30
Рынки, торговля на дальние расстояния и коммерция в древности на Ближнем Востоке: аспекты капитализма	32
Экономический рост в Вавилоне в I тысячелетии до нашей эры	34
Литература	42
3. Капитализм и древнегреческая экономика	45
Античность и капитализм	46
Рост, население и потребление	50
Особые условия города-государства	52
Рынок, финансы и организация бизнеса	54
Рабство и другие формы принудительного труда	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

**Кембриджская история капитализма.
Том 1: Подъем капитализма: от
древних истоков до 1848 года
Под редакцией Ларри Нила
и Джеффри Уильямсона**

THE CAMBRIDGE HISTORY OF CAPITALISM

Volume 1

The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848

Edited by

Larry Neal *and* Jeffrey G. Williamson

Под редакцией

Ларри Нила и Джеффри Уильямсона

Перевод с английского

Анны Шоломицкой

Научная редакция

Андрея Володина

Larry Neal and Jeffrey G. Williamson (eds), "The Cambridge History of Capitalism: Volume 1, The Rise of Capitalism: From Ancient Origins to 1848" Syndicate of the Press of the University of Cambridge

© Cambridge University Press 2014

© Издательство Института Гайдара, 2021

Авторский коллектив

Джереми Атак – заслуженный профессор экономики и истории, Университет Вандербильта.

Ален Брессон – профессор классического факультета Университета Чикаго.

Этьен де ла Везьер – профессор Практической школы высших исследований, Париж.

Р. Б. Вонг – профессор истории и директор Института Азии Калифорнийского университета.

Оскар Гельдерблом – ассоциированный профессор, факультет истории Утрехтского университета.

Мортен Джервен – ассоциированный профессор Школы международных исследований Университета имени Саймона Фрезера.

Виллем Й онгман – ассоциированный профессор исторического факультета Университета Гронингена.

ЙОСТ Й онкер – ассоциированный профессор экономики и социальной истории Утрехтского университета.

Хосе Луис Кардозо – профессор-исследователь Института социологии Лиссабонского университета.

Энн Карлос – профессор экономики и истории Университета Колорадо.

Фрэнк Льюис – профессор экономики Университета Куинз, Кингстон, Онтарио, Канада.

Ларри Нил – заслуженный профессор экономики Университета Иллинойса Урбана-Шампейн и Лондонской школы экономики.

Патрик Карл О'Брайен – профессор мировой истории экономики Лондонской школы экономики.

Шевкет Памук – заведующий кафедрой современных исследований Турции Европейского института Лондонской школы экономики.

Карл Гуннар Перссон – заслуженный профессор экономики Копенгагенского университета.

Лучано Пеццоло – ассоциированный профессор факультета гуманитарных наук Венецианского университета.

Тиртханкар Рой – профессор истории экономики Лондонской школы экономики.

Ричард Сальвуччи – профессор экономического факультета Университета Тринити, Сан-Антонио, Техас.

Джеффри Уильямсон – заслуженный профессор экономики Гарвардского университета (именная должность, утвержденная Лэрдом Беллом).

Ч. Ник Харли – профессор истории экономики Оксфордского университета.

Михаэль Юрса – профессор ассериологии Венского университета.

1. Введение

Ларри Нил

Благодаря современному экономическому росту, который определяется как непрерывный рост дохода на душу населения при увеличении численности населения (Kuznets 1966), уровень благосостояния стал выше и коснулся он большего числа людей на планете, чем можно было себе представить когда-либо до начала этого экономического роста. Более того, он начался не так давно, вероятно, уже в середине XIX и определенно не раньше конца XVII века. Когда современный экономический рост возник среди нескольких народов и современный капитализм начал приобретать свои характерные черты, в этот же момент начала появляться разница в богатстве народов. Капитализм одновременно и формировал структурные изменения, необходимые для поддержания современного экономического роста до настоящего времени, и реагировал на них. Более высокий уровень жизни, которым сопровождался современный экономический рост, стимулировал попытки повторения достижений Великобритании и США, которые первыми достигли успеха. Однако очевидные лишения, которым ранний капитализм подверг существовавшие в то время общества, оттолкнули от него другие общества. Кроме того, связь между капитализмом и современным экономическим ростом на ранних этапах увидеть было сложно. Поэтому начиная со второй половины XIX века распространение как современного экономического роста, так и капитализма происходило рывками и неравномерно.

Даже по мере того, как благотворный эффект современного экономического роста становился все более заметен в ведущих промышленных странах, распространение капитализма в других странах сдерживалось местными социальными, политическими и культурными условиями, как показано во втором томе «Распространение капитализма».

Тем не менее все вместе эти очерки свидетельствуют о том, что капиталистическая система координирования экономической деятельности с помощью сигналов рынка, направляемых всем его участникам, была основной причиной материальных успехов, столь очевидных во всем мире к началу XXI века. Но когда мы определяем капитализм как экономическую систему, которая генерирует современный экономический рост, возникает вопрос, может ли сохраняться продолжающийся рост дохода на душу населения и, следовательно, может ли сохраняться капитализм как экономическая система. Это вопросы, которые рассматриваются в очерках второго тома.

Однако в очерках второго тома не рассматривается вопрос: «Почему капитализму и современному экономическому росту потребовалось так много времени для того, чтобы начаться?». На этот вопрос стараются ответить очерки первого тома, «Подъем капитализма». Их ответ в основном заключается в том, что было трудно, очень трудно, скоординировать различные факторы, необходимые для строительства и поддержки постоянных поселений, хотя такие усилия обычно повышали доход на душу населения (что экономисты называют «интенсивным экономическим ростом»). Кроме того, было еще труднее в течение длительного времени поддерживать координацию в условиях происходивших одно за другим потрясений, возникавших по естественным причинам в результате как внешних событий, так и внутренних конфликтов. Отчего бы проблемы ни возникали – будучи вызваны природными катастрофами, эпидемиями, военными поражениями или неудачами правителей – они имели общую черту: потерю результатов достигнутого ранее прогресса без закладывания фундамента для последующего восстановления. Поэтому красной нитью через очерки первого тома проходит стремление определить, какие черты современного капитализма присутствовали в каждое время и в каждом месте и, далее, почему различные предшественники капитализма не перенесли отката

назад, а впоследствии продолжили рост и населения, и дохода на душу населения с предыдущих уровней.

Концепции капитализма

Какие черты современного капитализма наиболее заметны и как эти черты проявлялись в прежние времена? В научной литературе фигурируют разнообразные понятия – аграрный капитализм, промышленный капитализм, финансовый капитализм, монополистический капитализм, государственный капитализм, кланово-кумовской капитализм и даже креативный капитализм. Какая бы конкретная разновидность капитализма ни определялась этими терминами, их коннотации почти всегда негативны. Это происходит потому, что слово «капитализм» было изобретено и затем использовалось критиками капитализма во времена первой глобальной экономики, которая явственно возвысилась после 1848 года, и распространения капитализма по всему миру до 1914 года. Однако в условиях возрождения глобальной экономики в начале XXI века ученые соглашаются с тем, что может быть много разновидностей капитализма и что в каждой из них есть относительные преимущества (Hall and Soskice 2001).

Четыре элемента, однако, являются общими для каждой разновидности капитализма, какими бы ни были ее характерные черты:

1. права частной собственности;
2. договоры, исполнение которых обеспечивается третьими сторонами;
3. рынки с чуткими ценами; и
4. оказывающее поддержку правительство.

Каждый из этих элементов должен взаимодействовать с *капиталом*, фактором производства, который каким-то образом воплощен физически или в зданиях и в оборудовании, или в мелиорации, или в людях со специальным знанием. Однако вне зависимости от того, какие формы он принимает, капитал должен быть долговечным и не эфемерным для того, чтобы иметь значимый экономический эффект. Это означает, что каждый из четырех перечисленных элементов должен иметь долговременную перспективу, длящуюся как минимум несколько лет, а предпочтительно несколько поколений. Капитал также должен быть производительным и, следовательно, использоваться в течение его экономического жизненного цикла, который может быть короче его физической жизни из-за морального износа. Владение производственным капиталом, в какой бы форме он ни находился, может быть отделено от управления им, что приводит к открытому рассмотрению организации и процедур, созданных для использования, обслуживания, расширения и модификации основных фондов.

Однако помимо этих технических терминов, которые используют современные экономисты, чтобы объективно определить «капитал» для целей академических исследований, «капитализм» должен также рассматриваться как система, внутри которой эффективно действуют рынки для выработки ценовых сигналов, которые могут воспринимать и на которые могут реагировать все действующие лица – потребители, производители и регуляторы. Эффективность движимой рынком капиталистической системы зависит от стимулов, которые ее институты создают для всех действующих лиц, а также от открытости, которую она обеспечивает участникам системы для реагирования. Дуглас Норт определил институты как:

правила игры общества, а следовательно, [они] обеспечивают систему стимулов, которые формируют экономические, политические и социальные организации. Институты состоят из формальных правил (законов, положений, инструкций), неформальных ограничений (обычаев, кодексов этики, норм поведения) и эффективности контроля их исполнения. Этот контроль их исполнения осуществляется третьими сторонами (правовое принуждение, общественный ostracism), вторыми сторонами (возмездие) или первыми

сторонами (применение к самому себе этических норм). Институты влияют на экономическую эффективность, определяя совместно с используемыми технологиями транзакционные и трансформационные (производственные) издержки, которые составляют общие издержки производства (North 1997: 6).

Помимо базовых элементов экономической деятельности, которые могут наблюдаться физически, история капитализма должна также обращать внимание на такие организации, как цеха, корпорации, правительства и правовые системы, которые функционируют внутри и определяют «правила игры». Далее, такие менее заметные элементы, как неформальные институты и типы мышления, которые направляют индивидуальные реакции на внешние условия, могут определять эффективность рынков в создании и последующем поддержании экономического роста (North 2005). Непрерывное перераспределение ресурсов внутри экономики необходимо для поддержания экономического роста или для его возобновления после любого сбоя, вызванного такими внешними факторами, как война, голод, природная катастрофа, болезнь, или такими внутренними факторами, как финансовый кризис или ошибка руководства. Рыночные сигналы необходимы для того, чтобы перераспределить ресурсы и направить усилия, требуемые для продолжения или восстановления роста. Однако источник финансов для перехода к новому состоянию экономики может приводиться, а может и не приводиться в движение рыночными сигналами, в зависимости от существования рынков капитала и нужд командных экономик. Поэтому много внимания следует уделять источникам финансирования и их эффективному использованию в прошлом, особенно для финансирования дальней торговли и долговременных проектов, необходимых для поддержания экономического роста в условиях технологий того времени.

Более того, хотя настоящая рыночная система, с рынками труда, земли и капитала, а также потребительских товаров и услуг, имеет внутреннюю логику, она с неизбежностью встраивается в более широкие политические, культурные и социальные системы. Так что ценовые сигналы, генерируемые внутри капиталистической рыночной системы, должны воспринимать, и реагировать на них, политические, культурные и социальные группы, а также потребители и производители внутри экономики (Ogilvie 2007). Следовательно, капитализм может быть определен как сложная и адаптивная экономическая система, которая действует внутри более широких социальных, политических и культурных систем, которые в целом поддерживают ее.

Это функциональное определение капитализма приводит нас к поиску характеристик, которые могли существовать в других исторических условиях, когда экономический рост достигался на протяжении продолжительного периода (хотя бы пары веков, как в случае современного капитализма). Археологические свидетельства оседлого сельского хозяйства в сочетании с городскими комплексами устанавливают самый ранний предел для полезных исторических исследований сложных экономических систем, которые могут иметь или не иметь признаков зарождающихся капиталистических институтов. Например, современная археология может установить состав источников пищи жителей древних поселений, чтобы определить разнообразие выращивавшихся культур и домашних животных. Следы оливкового масла, вина и сухофруктов могут указывать на то, что участники экономической деятельности планировали свои действия как минимум на несколько лет, что требовалось для выращивания оливковых деревьев, виноградной лозы, финиковых пальм до зрелого возраста и регулярного сбора урожая. Наблюдения с воздуха, которые показывают нам остатки ирригационных сооружений и каналов, а также древних приподнятых или террасированных полей вблизи концентрации поселений, также дают вероятное свидетельство образования капитала с длительным сроком планирования и повышенной продуктивности. Если с должным вниманием относиться к документам, которые были сохранены по тем или иным причинам, можно также опереться на данные об источниках финансирования и о проблемах контроля исполнения договоров. Глиняные таблички с арифметическими упражнениями и сравнениями различных алфавитов, обнару-

женные на всем Среднем Востоке, указывают на возможное обучение специалистов по делопроизводству и распространению рыночной информации – очень специфическом виде человеческого капитала, который обнаруживается только в городских условиях.

Вопрос о том, могли ли эти ранние попытки обеспечить поток экономической деятельности с помощью надежных платежных систем и быть основой для долговременных экономических проектов, остается открытым для обсуждения, в основном потому, что свидетельства, необходимые для подтверждения связи финансового капитала с реальным капиталом, остаются расплывчатыми. Европейские ученые имеют преимущество в виде торговых счетов, корреспонденции и даже газет после изобретения печатного станка, а также архивов правовых споров и решений по ним. Однако ученые в остальном мире получают возможность открыть все больше сравнимых свидетельств о своих торговых предпринимателях, особенно после контакта с Европой. Хотя итальянское изобретение иностранного коммерческого векселя долго рассматривалось в качестве важнейшего элемента, содействовавшего подъему европейского капитализма, ясно, что арабские империи, появившиеся вместе с началом ислама в VII веке, использовали такие же финансовые инструменты. И *hawala* (перевод кредита из одного места в одной валюте в другое место в другой валюте) и *saftaja* (перевод кредита из одного места в одной валюте в другое место в той же валюте) финансировали интенсивную торговлю арабских и других торговцев по всему Средиземноморью, в Центральной Азии и северной Индии (Памук, глава 8). В южной Индии задолго до контакта с европейцами, когда хлопковый текстиль без сомнения экспортировался в остальную Евразию, использовался такой же метод под названием *hundi* (Рой, глава 7). Китайские торговцы использовали в своей торговле *fei-ch'ien* («летающие», т. е. бумажные, деньги) или *pien-huan* (обмен кредитами) в качестве аналогичных финансовых инструментов (Thompson 2011: 98; Вонг, глава 6).

В случае Европы эти способы финансирования дальней торговли в итоге вступили во взаимодействие с технологиями финансирования войн, став финансовой основой европейского доминирования в мировой торговле в раннее Новое время (Neal 1990). Напротив, возникшие в более раннее время сравнимые империи, по всей видимости, финансировали военные действия своего рода налогом на капитал, что не только разрушало существовавшую платежную систему, но также расхищало прежние накопления торгового капитала. Хотя дальняя торговля поддерживала капитализм и экономический рост и поддерживалась ими, постоянные войны, восстания и набеги разрушали и капитализм, и экономический рост, делая конечный успех британской меркантилистской политики исключительным, как утверждает Патрик О'Брайен в главе 12.

Долгое время считалось, что современный экономический рост начался из-за индустриализации, проявившейся сначала в Великобритании, хотя предшественники индустриализации были известны на значительной части территории Европы, в цивилизациях Среднего Востока и особенно в Китае и Индии задолго до XVIII века. Поэтому большинство книг, содержащихся в каталогах в разделе «Капитализм, история», рассматривают достижения Западной Европы, начиная самое раннее с 1500 года (Appleby 2010; Beaud 2001), но обычно начиная с 1700 года (например, Broadberry and O'Rourke 2010). Затем, рассматривая XIX век и последующий период, они расширяют поле исследований, включая в основном Соединенные Штаты, Канаду, Австралию и, возможно, Японию и Россию.

Однако в последнее время ученые пытаются охватить намного больший временной (Graeber 2011; Гребер 2015; Jones 1988; Morris 2010) и географический диапазон (Parthasarathi 2011; Pomeranz 2000; Rosenthal and Wong 2011).

В духе этих инициатив мы полагаем, что сегодняшняя мировая экономика начала создаваться уже давно, и мы ищем начало «подъема капитализма» настолько далеко в глубине веков, насколько археологи способны обнаружить осязаемые свидетельства человеческой деятельности, которая соответствовала практике современного капитализма, если не была полностью

ей подобна. Организованная рыночная деятельность, которая распространялась на значительные расстояния и, следовательно, имела длительный временной горизонт и долговременные структуры, оставила археологические остатки и разрозненные исторические записи. Наиболее полезны знаки росшей плотности населения с параллельным увеличением потребления на душу населения, что Джонс (Jones 1988) назвал интенсивным экономическим ростом, который сопровождался экстенсивным экономическим ростом. Эти кажущиеся противоречия с классической мальтузианской теорией о том, что рост населения до появления современного экономического роста должен был уничтожить временные увеличения дохода на душу населения из любого источника, могут быть названы «мальтузианскими сингулярностями»¹.

Различные свидетельства, полученные с помощью инструментов современной науки, убедили археологов и многих историков древнего мира, что высокие уровни дохода на душу населения появлялись эпизодически задолго до начавшегося в капиталистических экономиках современного экономического роста. Что еще интереснее, эти эпизоды обычно сопровождались продолжительными периодами роста населения, а также техническими усовершенствованиями, которые, видимо, предвосхищали аспекты современных обществ с высоким доходом. Однако почему им в конечном итоге не удалось реализовать то, что могло стать гораздо более ранним достижением современного экономического роста и быстрого технологического прогресса, остается загадкой, однако такой загадкой, которая послужила причиной написания всевозможных предположительных версий истории.

Видимо, самые ранние свидетельства мальтузианских сингулярностей относятся к древним цивилизациям области, которая сейчас известна как Средний Восток, прежде всего к Вавилону и Египту. Наиболее интригующей в свете поздних исследований Средиземноморья является экономическая деятельность финикийцев (Aubet 2001; Moscati 2001). Финикийцы, несомненно, развивали города и рыночную структуру для обеспечения жителей продовольствием в обмен на специальные артефакты и защиту на протяжении очень длительных периодов – на порядки более длительных, чем эра современного капитализма, а их торговые пути покрывали все Средиземноморье и атлантическое побережье Африки. Например, археологи, изучающие Финикию, твердо верят в то, что около 425 года до н. э. финикийский адмирал Ханно первым обогнул Африку. Но они могут только догадываться об экономическом значении открытых ими артефактов и повседневной жизни обнаруженных ими финикийских городов, разбросанных по всему Средиземноморью.

В отличие от современных им цивилизаций в Месопотамии и Египте и более поздних – в Греции и Риме, имеется очень мало письменных свидетельств, которые могли бы прояснить нас в отношении экономической организации финикийцев. Например, Обе (Aubet 2001) сделала вывод о том, что обширные финикийские поселения в Испании в основном были анклавными, созданными прежде всего для получения доступа к серебряным копям, расположенным вверх по реке от Кадиса, но как возникла и финансировалась оживленная торговля сначала из Тира, а потом из Карфагена, остается лишь догадываться. Обнаруженные археологами предметы роскоши, очевидно, привезенные в Испанию финикийцами, могут быть подарками местной племенной элите для инициирования выгодной финикийцам экспортной торговли, точно так же, как агенты Гудзонова залива дарили подарки ради торговли бобровыми шкурками в XVIII веке в Северной Америке (Карлос и Льюис, глава 15). Но остается неизвестным, как финикийцы организовывали, контролировали и поддерживали свою дальнюю торговлю.

В отношении более поздних цивилизаций современная археология располагает преимуществом, так как существуют классические тексты, которые являются богатой основой для

¹ Джеймс Хаттон (Hutton 1795) ввел термин «сингулярность» в современной геологии, когда заметил два совершенно отдельных каменных пласта, накладывавшихся друг на друга у берегов Шотландии. Исследование возможных случаев таких сингулярностей по всему миру положило начало геологии как современной, по-настоящему глобальной науки.

оценки экономического значения вещественных источников, обнаруженных археологами в невероятных количествах. Постепенно расшифровываются огромные архивы глиняных табличек и булл, обнаруживаемые в раскопках древнего Вавилона с конца XIX века и хранимые сейчас в музеях по всему миру. Группы археологов собрали воедино умопомрачительные детали хозяйственных записей, как храмовых, так и принадлежавших частным торговцам, чтобы дать нам убедительную картину оживленной экономики, существовавшей веками, начиная с 1200 года до н. э. в начале железного века и заканчивая завоеванием Месопотамии Александром Македонским в 332 году до н. э.

Подъем капитализма в примерах

Михаэль Юрса (глава 2) представляет основанные на археологических источниках новые толкования экономического опыта древних экономик, опираясь на обширный анализ свидетельств о Вавилоне. В своей предыдущей работе (Jursa 2010) он сделал вывод о том, что Вавилон в VI веке до н. э. достиг более высоких уровней процветания, чем в более ранние периоды своей истории.

[Р]осла экономика, увеличивалась производительность (часто рыночно ориентированного) сельского хозяйства, существенная часть городского населения имела не связанные с сельским хозяйством профессии, наблюдалась высокая степень трудовой специализации, а экономика была в значительной степени монетизирована (Jursa 2010: 815).

Одним словом, то, что стало западным капитализмом, описанным в последующих главах, в своих основных чертах проявилось и было отражено в исторических документах задолго до возникновения греческих городов-государств или Римской империи. Тем не менее человеческая жизнь была ненадежна, многие оставались больными и голодными и даже представители элит могли быть произвольно подвергнуты смерти, их имущество – конфискации, а работников заставляли трудиться, не обеспечивая пищей и одеждой. Более того, обширные строительные проекты, осуществлявшиеся царскими властями, видимо, в основном финансировались за счет военной добычи, собранной во время постоянных набегов на окружающие территории, в особенности финикийские. Едва ли это было основой стабильного экономического роста и в еще меньшей степени внедряло в общество капиталистический образ мысли.

Экономическое процветание Вавилона сохранилось и в период господства Персии. Затем, в 331 году до н. э., оно было прервано завоеванием Александра Македонского и последующим делением бывшей империи на отдельные сатрапии. Тем не менее вплоть до возникновения ислама основные элементы экономического успеха Вавилона – ирригация полей с зерновыми культурами и рощи финиковых пальм в сочетании с отарами овец и стадами крупного рогатого скота, обеспечивавшие высокую продуктивность сельского хозяйства, – поддерживали высокие стандарты жизни в городах, созданных между двумя реками Месопотамии и вдоль них (Памук, глава 8).

Меж тем начали разрастаться греческие города-государства, доминировавшие в восточном Средиземноморье с 1000 года до н. э. и до подъема Римской империи. В процессе зарождения идеи республиканского правления и закладки интеллектуального фундамента западной философии они также смогли сочетать возростающую плотность населения с ростом дохода на душу населения. Последние открытия современных археологов демонстрируют, что в Древней Греции наблюдался значительный интенсивный экономический рост, основанный на технических новшествах, разделении труда, обширной торговле и радикальных улучшениях в финансовой и договорной сферах, происходивший на фоне благоприятных институциональных рамок, как показано Аленом Брессоном в главе 3. Однако римские легионы произвели еще одну военную революцию, образовав постоянную профессиональную армию вместо наемных пехотных частей, которые предпочитали разрозненные греческие города-государства, сочетавшие легионы с поддержкой военным флотом в той форме, которая была хорошо отработана Афинами на пике их классической славы (Hale 2009). Распространяя греческие принципы в финансах, праве и исполнении договоров до самых дальних уголков растущей империи, римляне довели греческие прецеденты до еще более активного роста населения и уровня жизни. Как показал Виллем Йонгман в главе 4, в Западной империи и население, и доход на душу

населения во II веке уменьшила Антонинова чума, а в Восточной империи прогресс остановила Юстинианова чума VII века.

Легендарный Шелковый путь, который веками пересекали ищущие выгоды торговцы, демонстрировал, что даже народы, ограниченные внутренним пространством Евразии, могли заниматься дальней торговлей и создавать независимые технические новшества. Более всего известны согдийские торговцы, благодаря которым европейцы задолго до Марко Поло узнали о существовании Шелкового пути и о невероятном богатстве хана Хубилая в XIII веке. И здесь современные археологи нашли удивительные свидетельства процветания, сконцентрированного на торговых рынках Самарканда и Бухары, которые не только продолжительное время соединяли различные китайские государства с Черным морем и восточным Средиземноморьем, но и продлевали торговые пути на юг в Индию и на север до самой Балтики. Вся эта торговля, однако, велась под надзором воевавших друг с другом правителей, от чьей благожелательности зависела судьба разных торговцев, что, как показал Этьен де ла Весьер в главе 5, не являлось благоприятным фоном для подъема капитализма.

Все эти ранние эксперименты сочетания интенсивного экономического роста с экстенсивными торговыми связями в пределах Евразии и расширявшимися до Северной Африки, временами внезапно прекращались, но самым общим и глубоко проникающим был удар, нанесенный в середине XIV века «черной смертью». В то время вся Евразия и большая часть Северной Африки были активно вовлечены в дальнюю торговлю, и это стало причиной столь быстрого и полного распространения бубонной чумы по всему континенту (Abu-Lughod 1989). В главах с 6 по 8 рассказывается о великих цивилизациях, участвовавших в евразийской торговле до «черной смерти» и затем по-разному реагировавших на разрушение торговли и гибель населения до наступления Нового времени.

Императорский Китай в то время занял ведущую позицию самой развитой и густонаселенной страны в мире. Рой Бин Вонг в главе 6 проследивает сложность политического и экономического устройства Китая в условиях последовательных эпидемий чумы, голода и варварских нашествий, усугубленных морскими варварами, от их первоначального контакта до восстания тайпинов, длившегося с 1850 до 1864 год. Вместо того чтобы рассматривать длинный путь истории Китая как абсолютный восточный деспотизм, основанный на контроле и поддержании крупномасштабных ирригационных систем, он находит, что масштаб империи накладывал ограничения на командные возможности центрального правительства и оно было вынуждено договариваться со своими подданными, особенно с местными элитами, для создания желательных для них условий. Это означало поддержку рынков земли, труда, товаров первой необходимости и предметов роскоши, а также институциональные установления, которые развивались в течение длительного времени и доказали свою жизнеспособность на протяжении последовательной смены династий. Проблема ограниченности ресурсов, с которой столкнулось общество, имевшее по европейским стандартам высокую плотность населения, была сложна, однако нашла свое решение, в мягкости налогообложения при отсутствии долгосрочных займов центрального правительства и частных корпораций, в противоположность европейскому стилю капитализма.

Тиртханкар Рой в главе 7 исследует индийский субконтинент, где различные военные государства стремились установить и устанавливали господство во внутренних районах страны, а ряд торговых портов пытались извлечь выгоду из торговых связей как с остальной Азией, так и с соперничающими империями на западе, пока динамичная деятельность Английской Ост-Индской компании не подчинила себе и конкурирующих военных вождей и морских торговцев. Коммерческие центры все больше ориентировались на запросы европейских рынков, но за счет традиционной промышленности, особенно изделий из хлопка. Индийский хлопковый текстиль стал первой жертвой деиндустриализации, которая столь широко охватила мир в XIX веке. Военные вожди в глубине страны отступили на свои первоначальные терри-

тории, где они могли сохранить приносящие ренту привилегии. Разрушительные экономические последствия политического правления ищущих выгоду корпораций, которые Адам Смит высмеивал на примере правления Голландской Ост-Индской компании на Островах пряностей и на Индонезийском архипелаге в XVIII веке, стали еще более очевидными во времена правления Английской Ост-Индской компании в Индии XIX века.

Шевкет Памук в главе 8 прослеживает поучительную историю возникшей после «черной смерти» Османской империи и сопровождавшей ее экономической практики от самых истоков в возникновении ислама в VII веке. Хотя Средний Восток претерпел значительные институциональные изменения в века, предшествовавшие «черной смерти», а также и после, элита независимых торговых городов не играла такой важной роли, как в Западной Европе (и ранее в финикийских и греческих городах-государствах). Города часто находились под управлением центральных властей и их приоритеты определяли экономическую реакцию местных ремесленников и торговцев. И не география, которая была вполне благоприятна для торгового взаимодействия, и не религия, которая оказалась вполне приспособляемой под воздействием экономических факторов, а заинтересованность центральных властей в установлении стабильных иерархий ограничила реакцию Османской империи на проблемы, возникшие в XIX веке в результате экономического подъема западноевропейских стран.

Карл Гуннар Перссон в главе 9 анализирует, как конкурировавшие государства, образовавшиеся из остатков Западной Римской империи, пытались отстоять свою независимость от захватчиков-грабителей, какого бы происхождения они ни были, и некоторую степень экономической самодостаточности в свете распада традиционных торговых связей. Выдвинутая Евсеом Домаром трилемма (Domar 1970) о том, что свободный труд, свободная земля и ищущие ренты землевладельцы не могут сосуществовать долго, оказалась верной в отношении средневековой Европы. Но все возможные решения трилеммы – принудительный труд, ограниченный доступ к земле или поиск внешней защиты от отбирающих ренту землевладельцев – были опробованы по всей средневековой Европе. Новые модели торговли между сотнями появившихся независимых государств создавали почву для подъема капитализма в Западной Европе. Объяснение крепостничества в России, которое дал Домар, оказывается, применимо только к России, так как только там землевладельцы могли призывать высшую власть для реализации крепостного права. Во всей остальной Европе распространялся свободный и мобильный труд, особенно в городах, возникших вдоль традиционных торговых путей.

Разнообразные эксперименты внутри Европы вели к подъему капитализма в том виде, в каком он возник в последующие века. Лучано Пеццоло в главе 10 сравнивает восстанавливавшиеся после опустошения «черной смертью» города-государства Геную, Венецию и Флоренцию, каждый со своей особенной политической системой. Все три в значительной мере опирались на семейные связи, что было характерно для поздних капиталистических подражателей после 1850 года, однако каждый делал это своим особым способом. Захват Генуэзской республики постоянной корпорацией Дом святого Георгия оказался весьма успешным, возможно, потому, что влиятельные семейства Генуи признавали важность сменяемости друг друга в руководстве корпорации. Венецианские семейства закрыли доступ к политике для новых семейств и с помощью контроля над системой конвоев препятствовали также появлению новых конкурентов. Флорентийские семейства, разделенные жестоким противоборством, призывали чужаков для поддержки одной или другой стороны до тех пор, пока не было растрачено состояние города. Экономическая удача всех трех городов в конечном счете перешла к новым торговым городам, образовавшимся на атлантическом побережье Европы.

Голландцы, которые вышли из Тридцатилетней войны с относительно небольшими потерями, позволили себе небольшой спекулятивный вираж с экзотическими разновидностями тюльпанов, но в основном они были сосредоточены на перекачивании продуктов Ост-Индии через свои порты, объединенные в рамках Голландской Ост-Индской компании (VOC–

Vereenigde Oost-indische Compagnie). Оскар Гельдерблом и Йост Йонкер в главе 11 проанализировали, почему самая большая в мире акционерная компания во время своего создания в 1607 году смогла создать так много богатства и процветания для экономики Нидерландов в период своего золотого века, но не смогла выдержать конкуренции чужаков, вторгшихся в их прибыльную торговлю. Попытки разделить рынок с Английской Ост-Индской компанией и подавить конкуренцию других европейских государств, включая Францию, Данию, Швецию и даже Австрию (после Вены Габсбурги получили контроль над южными Нидерландами в 1715 году) в конце концов провалились из-за политических ограничений, наложенных на корпорацию, которая после 1620 года никогда больше не смогла расширить исходный капитал. Восстановились и прежние торговые пути вдоль древнего Шелкового пути и через Индийский океан, как отмечено в предшествующих главах о Китае, Индии и арабском халифате.

Тем не менее в пору своего расцвета в качестве независимой суверенной республики Соединенные Провинции представляли собой завидный пример возможностей, высвобождаемых торговым капитализмом даже без создания капитализма промышленного. Мирная конкуренция между портовыми городами в Нижних Землях и позднее между провинциями Нидерландов на севере привела к специализации продукции. Легкость транспортировки товаров и людей по широкой сети водных путей обеспечивала обширные рынки для особых продуктов каждого города или провинции, приводя к повышению производительности во всех Нижних Землях. Успешное восстание в северных провинциях, в конечном счете признанное Вестфальским миром 1648 года, создало ситуацию, в которой торговые элиты, правившие городами Соединенных Провинций, могли вводить более высокие налоги и привлекать займы под более низкие проценты, чем их коллеги в южных провинциях. С городов, оставшихся в испанских (позднее австрийских) Нидерландах, по-прежнему взимались налоги в пользу далеких монархов или в Мадриде, или в Вене.

Европейский меркантилизм был соревнованием между атлантическими портовыми городами, которое требовало наиболее эффективной комбинации ресурсов с тем, чтобы пожинать прибыли, ожидавшиеся от новых рынков, созданных благодаря европейским географическим открытиям. Новые рынки включали области, открытые европейцами по другую сторону Атлантики, и морской путь к сказочным Индиям и Островам пряностей. Патрик О'Брайен в главе 12 убедительно утверждает, что только Британии удалось мобилизовать свои военно-морские и торговые организации для того, чтобы добиться окончательного превосходства над конкурирующими державами Испании, Франции и Нидерландов. Тридцатилетняя война (1618–1648) принесла населению Центральной Европы опустошение, сравнимое с «черной смертью». Тридцать лет постоянных боев создали новые военные технологии и новые средства государственного финансирования, направленные прежде всего на оплату военных расходов и установившие основу для полутора веков государственного строительства по всей Западной Европе. Когда Оливер Кромвель одержал победу в Гражданской войне, постоянно направляя свою Армию нового образца в походы и используя дешевые чугунные пушки для разрушения стен средневековых замков в Ирландии, Уэльсе и Шотландии, он также создал налоговую базу для содержания постоянного военного флота в будущем. По мнению О'Брайена, начиная с этого времени были заложены важнейшие основы британского капитализма и последующие монархи оставили без изменений новую налоговую систему, которая генерировала возрастающие поступления, пропорциональные торговле, проходившей через британские порты и расширявшейся по следам морских побед.

Когда торговые государства конкурировали, испытывая различные подходы к капитализму для эксплуатации возможностей поселения и торговли с Азией и Америками, различные европейские страны сталкивались с прежде изолированными народами в Африке южнее Сахары, во внутренних областях Северной Америки и, о чем известно больше всего, в Латинской Америке. Контакты европейцев с этими прежде неизвестными обществами имели долго-

временные последствия и для населения, с которым происходил контакт, и для будущего капитализма. Уничтожение коренного населения и его практическое порабощение конкистадорами из Испании под предводительством Кортеса в Мексике и Писарро в Перу навсегда останется пятном на истории капитализма. Но, как показал в главе 13 Ричард Сальвуччи, испанские, а потом и португальские предприятия сначала едва ли имели протокапиталистический характер. Только когда последующие поколения колониальных правителей адаптировались к радикально изменившемуся соотношению земли и труда, вызванному истреблением коренных американцев, они стали способны эксплуатировать регион экономически, что привело к колониальной экспансии по всей Латинской Америке. Серебро, добываемое и экспортируемое в больших и растущих количествах и в Европу, и в Индию и завершавшее свой путь в основном в Китае, хотя оно и служило на протяжении около двух веков испанским монархам для финансирования их военных предприятий, на деле играло незначительную роль в налоговой поддержке вице-королей Мексики и Перу. Табачные и сахарные монополии были гораздо важнее с точки зрения налогов, и государственная эксплуатация значительно больше соответствовала докапиталистическим тенденциям, вплоть до создания обрахе, или текстильных фабрик, которые копи- ровали предприятия, появившиеся в XVIII веке в Англии.

Так как европейские рынки этих товаров продолжали расширяться, эти монополии, основанные на плантациях, в больших количествах использовали рабский труд, что вело к работорговле. Это также отождествляется с подъемом капитализма, даже до такой степени, что продвижение капитализма в британской промышленности отождествляется с прибылями, которые получали британские рабовладельцы от экспорта рабов с западных берегов Африки в британскую, испанскую и португальскую Америку.

Мортен Джервен в главе 14 обращается к сложной системе торговых отношений, которая развилась на западном побережье Африки для обеспечения трансатлантической работорговли. Африканские вожди с готовностью предоставляли рабов, нужных британским работорговцам, прибывавшим из Бристоля или Ливерпуля, но только после того, как они устанавливали цены на рабов относительно европейских и азиатских товаров, поставлявшихся европейскими торговцами. В результате со временем цены на рабов выросли и африканцы расширили области, откуда поставлялись рабы, глубже внутрь континента. Перед закатом работорговли развилась дополнительная торговля и другими товарами, такими как перец, пальмовое масло и красное дерево, которые стали основой торговли между Старым Калабаром и Бристолем после 1807 года и конца британской работорговли. Поддержание дальних коммуникаций и финансирования для того, чтобы качественный индийский текстиль мог доставляться из Англии, а самый прибыльный состав рабов, в свою очередь, мог поставляться из Африки на сахарные плантации Карибских островов, для постоянной деятельности потребовало установления личных отношений между африканскими вождями, такими как Антера Дьюк в дельте Нигера, и британскими капитанами кораблей, такими как Томас Джонс из Бристоля.

Энн Карлос и Фрэнк Льюис в главе 15 показывают, что похожая реакция на европейских торговцев возникала среди североамериканских индейцев, которые, уже ведя активную дальнюю и местную торговлю, быстро превратили связи с европейцами в широкую торговую деятельность на североамериканском континенте. Хотя дарение, входившее долгое время в наблюдавшиеся антропологами индейские традиции, стало частью регулярных взаимоотношений компании Гудзонова залива с коренными американцами, оно было лишь знаком вежливости для начала серьезной торговли товарами, которая происходила на ежегодных рынках. Количество и разнообразие товаров, которые индейские племена покупали у европейских торговцев, продолжало возрастать, особенно когда за бобровые шкурки стали предлагаться более высокие цены. Таким образом, первые контакты представителей европейских капиталистов с коренным населением и в Латинской Америке, и в Африке, и на диких просторах Северной

Америки могли вызывать гибкую реакцию, ведущую к взаимовыгодному обмену, и часто так и происходило.

Ник Харли в главе 16 разгадывает непрерывную головоломку о том, как европейский меркантилизм в результате развился в европейскую индустриализацию. Хотя в своей работе он показал, что британская промышленная революция имела место, ее развитие в современный экономический рост было более постепенным и в меньшей степени продвигалось простым введением фабричной системы в текстильную отрасль, какими бы яркими ни были и по сей день эти символы раннего капитализма. В конечном итоге британский промышленный опыт легко мог быть повторен почти во всей расположенной рядом Европе, но этого, как правило, не случалось. Отсутствие такой имитации было обусловлено неэкономичностью цен на факторы производства в Европе для принятия британской технологии, которая отличалась интенсивностью использования энергии, использованием капитала и экономией труда. Движущая сила такого различия, скорее всего, происходила из сельского хозяйства, производительность труда в котором в Англии была заметно выше, чем в континентальной Европе, за исключением Нидерландов.

И Нидерландам, и Англии удалось организовать экономически эффективную систему сельского хозяйства, создав стимулирующие договоры между пользователями и владельцами земли для поддержания и попыток нового увеличения высоких уровней продуктивности ориентированного на рынок производства. По мере того как продолжала развиваться британская промышленность и расти расширившаяся за моря торговля, особенно во время продолжительных войн с Францией, которые достигли кульминации в 1815 году, европейцы искали различные пути для повторения британского успеха, достаточно часто защищая отечественного производителя от британской продукции. Только после 1850 года благодаря политическим изменениям в большинстве европейских стран стала возможна успешная конкуренция, начиная с увеличившейся продуктивности сельского хозяйства. Принятие вариантов британских институциональных установлений, особенно в отношении представительного правительства, которое поддерживало капиталистические предприятия на транспорте, в сельском хозяйстве, в промышленности, оказалось в результате ключом к успеху, но в большинстве случаев даже в Европе это реализовалось не раньше середины XIX века (Cardoso and Lains 2010).

Джереми Атак в главе 17 анализирует образцовый случай процветающего капитализма – Соединенные Штаты Америки, – отмечая важность английской формы акционерной корпорации и управления британскими монархами с самого начала движения колонизации. Столкнувшись с практически бесконечными пространствами земли и стремясь получить выгоду от экспорта всего, что можно было вырастить или собрать, колонисты в этой *tabula rasa* делали все, чтобы извлечь как можно больше прибыли. Экспансия населения, численность которого быстро росла, но которое всегда оставалось высокооплачиваемым, как в сельском хозяйстве, так и в центрах торговли, остается одним из чудес экономического развития, которое продолжилось и в XXI веке. Атак определяет корпорацию с ее ориентированностью на прибыль (это верно даже для правительств городов и государств) в качестве определяющего капиталистического института для экономического успеха Америки и создания постоянных препятствий для гегемонии государства.

Американский Юг с его все более своеобразным институтом плантаторского рабства создавал активные трения с северными штатами, где сельское хозяйство, основанное на семейных фермах, пожалуй, также было коммерческим, хотя, возможно, это было не так ярко выражено. Эта нарастающая напряженность десятилетиями сдерживалась политическими компромиссами, соединенными с экспансией на запад, – пока не было достигнуто западное побережье. К началу Гражданской войны Соединенные Штаты уже были самой большой капиталистической экономикой в мире, а к ее концу их армия стала самой крупной и мощной военной силой в мире. Крупномасштабные промышленные корпорации, которым долгое время предшество-

вали десятки тысяч мелких предприятий, особенно на севере, теперь обрели свое лицо, и по сей день двигая американский экономический рост и политические конфликты.

Подъем капитализма и проблемы, которые он поставил перед существовавшими экономическими, коммерческими, политическими и даже религиозными структурами, были особенно очевидны современным европейским наблюдателям, начиная с возраставшего количества серебра, поступавшего на европейский рынок во второй половине XVI века, и его влияния на торговые связи и военные возможности конкурировавших государств. Хосе Луис Кардозо в главе 18 утверждает, что современники, анализируя примеры и следствия подъема капитализма, создали новую науку политической экономии, которая повлекла за собой важные политические последствия. *Magnus opus* Адама Смита был построен на долгой традиции размышлений его предшественников о выгодах многосторонней торговли, но явственно пытался предписать разумную экономическую политику государственной власти (см. книгу V *Богатства народов*). Его оптимизм по поводу возможностей взаимовыгодной торговли, ведущей к накоплению богатства и счастью все более цивилизованных обществ, не имел немедленных политических последствий, но он, несомненно, оказал большое влияние на переход Британии к свободной торговле после 1848 года.

В тот же год Карл Маркс и Фридрих Энгельс опубликовали свой «Манифест Коммунистической партии», предсказывая коллапс капитализма из-за его внутренних противоречий, так как он требовал растущих рынков одновременно с растущей эксплуатацией рабочих. Однако в этот же год Джон Стюарт Милль опубликовал свою книгу «Основы политической экономии» – вершину классической экономики, превозносившую цивилизационные возможности грядущего устойчивого состояния, скорого наступления которого он ожидал. Оба этих противоречащих друг другу взгляда на будущее капитализма были полностью опровергнуты распространением капитализма, который обошел весь мир в следующие полтора столетия, что делает еще более странным то, что в XXI веке по-прежнему звучат отголоски обоих этих взглядов.

* * *

Принимая неизбежность постоянного изменения экономической эффективности различных экономик прошлого, создатели этой истории подъема капитализма составили новую метатеорию, контрастирующую с существующими трактовками истории капитализма. В первых теориях, созданных в начале XX века, до ужасов Первой мировой войны, проступало ощущение триумфальности. После травмы, нанесенной Великой депрессией, следующее поколение историй представляло собой поиск альтернативных форм экономической организации. Разделение мира после Второй мировой войны на западный капитализм в различных формах, конкурирующий с экономиками, управляемыми центральным планированием, привело к следующему набору метатеорий, часто с целью оправдания альтернативных экспериментов в экономиках так называемого третьего мира. Современное поколение в исторической науке, владея обновленным опытом глобализации приблизительно с 1980-х годов, ищет новую убедительную метатеорию, которая позволила бы использовать опыт прошлого для преодоления проблем настоящего.

Разнообразие политических реакций на коллапс экономик с центральным планированием в 1990-х годах выявило трудности выбора правильных действий для достижения современного экономического роста. Если некоторые версии современного капитализма для стран с переходной экономикой конца XX века выглядели более привлекательными, чем другие, то требуемые для их успешного воспроизведения институты оказалось трудно создать и впоследствии поддерживать (см. главу 16 Нила и Уильямсона, завершающую второй том). Проблемы изменения традиционных политических структур для эффективно – го применения возмож-

ностей материальных улучшений, становившиеся все более очевидными в различные периоды, в прошлом не были легко преодолимы, но иногда это удавалось. Какие именно черты были важнейшими в успешных изменениях политических установлений, дополнявших динамичные изменения в успешных экономиках, можно только предполагать, но экономисты, политологи и историки прилагают огромные усилия для того, чтобы вскрыть критически важные элементы в немногих поддающихся исследованиям успешных примерах.

Интенсивнее всего изучается случай Британии, при этом политическим установлениям, неразрывно связанным с великой Славной революцией 1688–1689 годов, обычно отводится почетное место. Асемоглу и Робинсон (Acemoglu and Robinson 2012) утверждают, что парламент, который низложил Якова II, был открыт для широкого диапазона экономических интересов, от наследственных землевладельцев до международных торговцев различных религиозных и географических ориентаций. Норт и Уэйнгаст (North and Weingast 1989) утверждают, что парламент ограничил хищнические наклонности монарха, заставив его принять установленные парламентом условия создания новых налогов, привлечения новых займов и основания новых предприятий. Созданные таким образом механизмы «заслуживающего доверия обязательства» были важными аспектами британской конституции (все еще, однако, не зафиксированными в письменной форме), которые позволили впоследствии процветать предпринимателям и в результате привели к промышленной революции. Однако большинство исследователей этого эпизода истории считают, что события были гораздо более сложными и что требовалось большое разнообразие механизмов обязательств, некоторые из них предшествовали изменению режима 1689 года, а другим потребовалось намного больше времени, чтобы прочно закрепиться (Coffman, Leonard, and Neal 2012). Независимо от этого все прочие случаи зарождающегося капитализма должны сравниваться с примером Британии по различным параметрам помимо собственно экономических, но особенно в отношении политических и правовых институтов.

С XIX века и до настоящего времени препятствия на пути к имитации преодолевались национальными государствами различными способами. Теперь мы знаем, что новшества в странах-последователях внедрялись помимо простой мобилизации капитала в возможно большем количестве для применения новейших технологий. Для того чтобы воспроизведение было успешным, требовались также политические, социальные, культурные и, пожалуй, психологические корректировки. Координация этих различных процессов, определяющих любую экономику, является фундаментальной проблемой, которая должна быть решена для того, чтобы капитализм или его альтернативы вообще смогли функционировать. Координация начинается с комбинирования различных факторов производства для создания желательных товаров и услуг; затем начинается более сложный процесс распределения продукции между рассеянными в пространстве и различающимися в потребностях потребителями; кульминацией является решение мучительной проблемы компенсации собственникам различных факторов производства.

Хотя проблемы координации многообразны и сложны, вероятно, их можно успешно анализировать в качестве попыток преодоления различных дилемм, трилемм и других задач, встающих перед экономиками вне зависимости от той степени, в которой они являются капиталистическими, или промышленными, или рыночно ориентированными. Например, современные макроэкономисты в конце XX века выявили теоретическую основу специфической трилеммы, встающей перед участвующими в мировой экономике национальными государствами. Доступ к мировым рынкам капитала требует свободного движения капитала за границу и из-за границы, доступ к мировым товарным рынкам становится больше при фиксированных курсах валют, а поддержание спокойствия во внутренних делах требует независимой денежной политики. К сожалению, все три желательных режима экономической политики не могут поддерживаться

одновременно. В конечном итоге от одного из трех желательных режимов приходится отказываться (Obstfeld and Taylor 2004).

Рассмотрение этой конкретной трилеммы предоставляет полезный аналитический инструмент для оценки развития мирового капитализма начиная с середины XIX века. Прозошедший ранее этого времени, приблизительно в период между Вестфальским договором 1648 года и Венским договором 1815 года, подъем стран с экономикой торгового капитализма в Западной Европе предоставляет интересный набор экспериментов ведущих держав – Нидерландов, Соединенного Королевства и Франции – в различной степени сосредоточенных на фиксированных обменных курсах (Нидерланды), мобильности капитала (Соединенное Королевство) и независимой денежной политике (Франция) (Neal 2000). Стоит еще раз отметить, что урок долго длившейся конкуренции, прежде всего движимой необходимостью финансирования возраставших военных расходов в последовательных войнах с 1648 до 1815 год, заключался в том, что поддержание мобильности капитала, как установили британцы, было наиболее важным (см.: О’Брайен, глава 12).

Евсей Домар обозначил другую, более фундаментальную, трилемму в своей классической работе, выдвинув гипотезу о трех элементах аграрной структуры, которая предшествовала современной – свободная земля, свободные крестьяне и неработающие землевладельцы, – которые никогда не могли существовать одновременно. Для стабильной сельскохозяйственной экономики как минимум один из этих элементов должен быть удален. Оседлое сельское хозяйство периодически страдало от неожиданных набегов, и фермеры нуждались в военной защите, которая обычно обеспечивалась неработающими землевладельцами. В этом случае приходилось жертвовать или свободной землей (Западная Европа) или свободой крестьян (Восточная Европа). Домар иллюстрирует свою гипотезу несколькими примерами, почерпнутыми из его глубокой начитанности в российской истории и появившейся литературы о прибыльности рабства на американском Юге. Неудача в возобновлении крепостничества в Британии и в Европе к западу от Эльбы после «черной смерти», которая изменила соотношение земли и труда в пользу закабаления, однако, остается вопросом, который Домар охотно передал историкам и политологам. Перссон в главе 9 и Сальвуччи в главе 13 данного тома вносят свой вклад в исследование других проявлений трилеммы Домара.

Для самых ранних периодов, в которые доминировал подъем и в итоге падение империй, интересным является вопрос о том, должны ли были империи, опиравшиеся на сухопутную деятельность, стать командно-управляемыми за счет развития рыночных возможностей, в то время как морские империи были больше подготовлены к диверсификации своих реакций на внешние удары, выходя на новые рынки. Среди возможных примеров – доступ к новым источникам покупки продуктов питания, получение военной поддержки в форме наемных войск или избежание эпидемий путем ограничения доступа к портам. Если сухопутные империи в длительной перспективе были нестабильны по своей природе, то каким образом египетская (Allen 1997) или китайская (Wong 1997) империи, будучи однажды основанными, смогли так долго просуществовать? Каковы были долгосрочные следствия для сельскохозяйственных усовершенствований и подъема капитализма попыток Римской империи расселить профессиональных солдат вдоль все более удаленных границ империи – попыток, более успешно повторенных позднее Австро-Венгерской империей, и даже Шведской империей, в сравнении с обычным привлечением наемных войск в Афинах, потом итальянских городах-государствах и в конечном итоге в Великобритании?

Сэр Джон Хикс в «Теории экономической истории» (Hicks 1969) пытался решить эту проблему, поставив провокативную дилемму. Начиная с предположения о том, что человеческие общества имеют тенденцию организовываться или сверху вниз (командные экономики), или снизу вверх (традиционные экономики), Хикс предположил, что, хотя рыночно ориентированные экономики могут возникать время от времени для обеспечения эффективного рас-

пределения ресурсов или товаров, на протяжении большей части истории этот тип экономики не был преобладающим. Сталкиваясь с потрясениями, будь то природные катаклизмы, военные вторжения или чума, общества естественным образом стремились отреагировать на них командной экономикой, чтобы как можно скорее мобилизовать ресурсы для противодействия новой проблеме. Однако те общества, которые были ограждены от потрясений, склонялись к сохранению неограниченного традиционного использования ресурсов вне зависимости от того, было ли их распределение оптимальным для общества в целом или нет. Так как экономики либо сталкивались, либо не сталкивались с потрясениями, они становились или командными, или традиционными. Поэтому рыночная экономика всегда будет в опасности. Ее или столкнут на обочину командующие в экономике силы, или ей останется зачехнуть из-за безразличия общества. «Командный вариант» был первопричиной неудач ранних примеров рыночно ориентированного капитализма в преодолении потрясений. В работах Карла Маркса в разных формулировках говорится о двух разновидностях командной организации, которые должны привести к коллапсу капитализма: внутренние противоречия между экономическими правилами, или революция, ведущая к диктатуре пролетариата. Среди более поздних рассуждений в этом ключе можно назвать работу Раджана и Зингалеса (Rajan and Zingales 2003), в которой утверждается, что укоренившиеся капиталисты могут душить созидательные реакции на потрясения, и работу Раджана (Rajan 2010; Раджан 2013), в которой говорится о том, что укоренившиеся политические руководители в ответ на потрясения могут вести ошибочную политику. «Традиционный вариант» мог бы объяснить общие ошибки примитивных обществ на пути к процветанию, но мог быть и причиной краха развитых экономик либо потому, что капиталисты оказывались не способны к новшествам (Schumpeter 1950; Шумпетер 1995), либо потому, что рабочие оказывались не способны реагировать на новые возможности потребления (Bell 1976).

Хикс предположил, что подъем ориентированных на рынок экономик зависел от независимых городов-государств, которые управлялись властями, приверженными поддержке дальней торговли. География Средиземноморья оказалась особенно благоприятна для поддержания таких экономик, лучшими примерами которых служат Венеция и Генуя. Однако вопрос о том, почему Карфаген, процветавший еще до появления Римской империи центр торгового опыта финикийцев, не смог одолеть Рим, Хикс не рассматривал, за исключением замечания о том, что рыночно ориентированные общества были уязвимы в случае конфликтов с обществами как командными, так и традиционными. Однако в разделе о Китае, написанном Роем Бин Вонгом (глава 6 этого тома), показано, что дилемма Хикса может быть решена бюрократическими элитами и в сухопутных империях, если они смогут эффективно синтезировать эквивалент островной самодостаточной и обороноспособной экономики.

Альтернативное решение дилеммы Хикса заключается в концентрации на важности развития финансового рынка государственного долга. Хикс опирался на аргументы своего друга Т. С. Эштона, объясняя, как Британии удалось избежать и традиционности, и командности, отвечая на вызовы со стороны испанцев, французов и голландцев в XVIII веке. По мнению Эштона (T.S.Ashton 1948), британские процентные ставки, понимаемые как стоимость капитала, постоянно снижались на протяжении XVIII века вслед за падением доходности государственных займов. Проблема, связанная с этим аргументом, заключается в том, что процентные ставки по государственным займам во всей остальной Европе были еще ниже, и задолго до XVIII столетия (глава 10 этого тома). Тем не менее можно привести ряд примеров стран, в которых финансовая революция предшествовала устойчивому расширению экономики (Rousseau 2003). Если правительство имеет возможность быстро привлечь средства, продавая свои облигации потенциально крупной и разнообразной группе богатых инвесторов, оно затем может использовать этот денежный рычаг для приобретения ресурсов, необходимых для борьбы с внешними потрясениями. Соответствующие рынки для необходимого труда, капитала, това-

ров, или услуг в таком случае будут расширяться и становиться все более способными эффективно реагировать на последующие потрясения. Таким образом, тенденция к установлению командных экономик отклонится от этого направления и перейдет в тенденцию к расширению и углублению рыночных экономик. Этот аргумент служит примером того, насколько важно внимание, уделенное в отдельных главах этого тома адаптивности имеющихся институтов в ответ на внешние потрясения. Появились ли элементы командной экономики? Поддерживались ли они в ущерб рынку ресурсов или конкретных товаров? Если происходила реакция рынка, то как она финансировалась? За счет принудительных займов, принудительной циркуляции валюты или привлечения внешних источников снабжения путем предложения оплаты в суверенных облигациях? Возможно, Маркс был прав, когда указал на создание в Британии после 1688 года истинно национального долга, прямо финансируемого за счет обязательства парламента обслуживать его конкретными налоговыми поступлениями, как на ключевой элемент в подъеме современного капитализма!

Литература

- Гребер, Д. (2015). *Долг: Первые 5000 лет истории*. Москва: Ад Маргинем.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Начала.
- Норт, Д., Дж. Уоллис, Б. Вайнгаст (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Раджан, Р. (2013). *Линии разлома. Скрытые трещины, все еще угрожающие мировой экономике*. Москва: Издательство Института Гайдара.
- Шумпетер, Й. (1995). *Капитализм, социализм и демократия*. Москва: Экономика.
- Abu-Lughod, J. (1989). *Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press.
- Acemoglu, D. and J. Robinson (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*. New York: Crown Publishers.
- Allen, R. C. (1997). “Agriculture and the Origins of the State in Ancient Egypt,” *Explorations in Economic History* 34: 135–154.
- Appleby, J. (2010). *The Relentless Revolution: A History of Capitalism*. New York: W. W. Norton.
- Ashton, T. S. (1948). *The Industrial Revolution, 1760–1830*. Oxford University Press.
- Aubet, M. E. (2001). *The Phoenicians and the West: Politics, Colonies and Trade*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.
- Beaud, M. (2001). *A History of Capitalism, 1500–2000*. New York: Monthly Review Press.
- Bell, D. (1976). *The Cultural Contradictions of Capitalism*. New York: Basic Books.
- Broadberry, S. and K. O’Rourke, eds. (2010). *The Cambridge Economic History of Modern Europe*, 2 vols. Cambridge University Press.
- Cardoso, J. L. and P. Lains, eds. (2010). *Paying for the Liberal State: The Rise of Public Finance in Nineteenth-century Europe*. Cambridge University Press.
- Coffman, D., A. Leonard, and L. Neal, eds. (2013). *Questioning Credible Commitment: Perspectives on the Rise of Financial Capitalism*. Cambridge University Press.
- Domar, E. (1970). “The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis,” *Journal of Economic History*, 30 (1): 18–32.
- Drobak, J. N. and J. V. C. Nye, eds. (1997). *The Frontiers of the New Institutional Economics*. San Diego: Academic Press.
- Findlay, R. and K. H. O’Rourke (2007). *Power and Plenty: Trade, War and the World Economy in the Second Millennium*. Princeton University Press.
- Floud, R. and D. N. McCloskey (1981). *The Economic History of Britain*. Vol. I: 1700–1870. Cambridge University Press.
- Graeber, D. (2011). *Debt: The First 5,000 Years*. Brooklyn, NY: Melville House Publishing.
- Hale, J. R. (2009). *Lords of the Sea: The Epic Story of the Athenian Navy and the Birth of Democracy*. New York: Viking Press.
- Hall, P.A. and D. Soskice, eds. (2001). *Varieties of Capitalism: The Institutional Foundations of Comparative Advantage*. Oxford University Press.
- Harris, R. (2009). “The Institutional Dynamics of Early Modern Eurasian Trade: The Corporation and the Commenda,” *Journal of Economic Behavior and Organization*, 71 (3): 606–622.
- Hatton, T. J. and J. G. Williamson (2008). *Global Migration and the World Economy: Two Centuries of Policy and Performance*. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Hicks, J. R. (1969). *A Theory of Economic History*. London: Oxford University Press.

Hutton, J. (1795). *Theory of the Earth, with Proofs and Illustrations*, 2 vols. Edinburgh: William Creech.

Jones, E. L. (1988). *Growth Recurring: Economic Change in World History*. Oxford: Clarendon Press.

Jursa, M. (2010). *Aspects of the Economic History of Babylonia in the First Millennium BC: Economic Geography, Economic Mentalities, Agriculture, the Use of Money and the Problem of Economic Growth*. Munster: Ugarit-Verlag.

Kuznets, S. (1966). *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven: Yale University Press.

Marx, K. (c. 1932). *Capital, the Communist Manifesto and Other Writings*, ed. Max West-man. New York: The Mordern Library.

Morris, I. (2010). *Why the West Rules – for Now: The Patterns of History and What They Reveal About the Future*. New York: Farrar, Straus and Giroux.

Moscatti, S. (2001). *The Phoenicians*. London and New York: I. B. Tauris.

Neal, L. (1990). *The Rise of Financial Capitalism: International Capital Markets in the Age of Reason*. New York: Cambridge University Press.

—. (2000). “How it All Began: The Monetary and Financial Architecture of Europe from 1648 to 1815,” *Financial History Review*, 7 (2): 117–140.

North, D. C. (1990). *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

—. (1997). “Theoretical Foundations,” in Drobak and Nye (eds.), p. 6.

—. (2005). *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton University Press.

North, D. C. and B. Weingast (1989). “Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutional Governing Public Choice in Seventeenth-Century England,” *Journal of Economic History*, 49 (4): 803–832.

North, D. C., J. Wallis, and B. Weingast (2010). *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

O’Brien, P. (1988). “The Political Economy of British Taxation, 1660–1815,” *Economic History Review* 41: 1-32.

Obstfeld, M. and A. Taylor (2004). *Global Capital Markets: Integration, Crisis, and Growth*. New York: Cambridge University Press.

Ogilvie, S. (2007). “Whatever Is, Is Right’? Economic Institutions in Pre-industrial Europe,” *Economic History Review*, 60 (4): 649–684.

O’Rourke, K. H. and J. G. Williamson (1999). *Globalization and History: The Evolution of a Nineteenth-century Atlantic Economy*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Parthasarathi, P. (2011). *Why Europe Grew Rich and Asia Did Not: Global Economic Divergences, 1600–1850*. Cambridge and New York: Cambridge University Press.

Pomeranz, K. (2000). *Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy*. Princeton University Press.

Rajan, R. (2010). *Fault Lines: How Hidden Fractures Still Threaten the World Economy*. Princeton University Press.

Rajan, R. and L.Zingales (2003). *Saving Capitalism from the Capitalists: Unleashing the Power of Financial Markets to Create Wealth and Spread Opportunity*. Princeton University Press.

Rosenthal, J.-L. and R. B. Wong (2011). *Before and Beyond Divergence: The Politics of Economic Change in China and Europe*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Rousseau, P. (2003). “Historical Perspectives on Financial Development and Growth,” *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 85 (4): 81-105.

Schumpeter, J. A. (1950). *Capitalism, Socialism, and Democracy*, 3rd edn. London: George Allen and Unwin.

Thompson, E. A. (2011). *Trust is the Coin of the Realm: Lessons from the Money Men in Afghanistan*. Karachi, New York and Oxford: Oxford University Press.

Williamson, J. G. (2006). *Globalization and the Poor Periphery before 1950: The 2004 Ohlin Lectures*. Cambridge, MA: The MIT Press.

Wong, R. B. (1997). *China Transformed: Historical Change and the Limits of European Experience*. Ithaca, NY: Cornell University Press.

2. Вавилон в I тысячелетии до нашей эры – экономический рост в имперский период

Михаэль Юрса

Введение

Благодаря начавшимся в XIX веке раскопкам в Ираке, Сирии и Иране явились миру остатки древних цивилизаций Ближнего Востока, процветавших в III, II и I тысячелетиях до н. э. Среди этих находок отдельно стоят письменные источники – свыше 250 000 глиняных табличек с клинописью. Если говорить о древнем мире, то этот корпус в количественном отношении уступает лишь источникам на греческом языке; сохранилось больше текстов на древних ближневосточных шумерском, ассирийском и вавилонском языках, чем на латыни (Streck 2011). Приблизительно 80 % древнего ближневосточного корпуса текстов имеет социально-экономическое содержание, будучи кладезем информации по экономической истории, простирающейся до периода, очень близкого к возникновению первых стратифицированных городских сообществ.

Несмотря на изобилие количественной и качественной текстовой информации, существует очень мало широких исследований древней экономической истории Ближнего Востока, которые опирались бы на теоретические рамки и модели и на правильное понимание первоисточников, в то же время уделяя внимание экономическому развитию во времени и изменениям в экономических показателях². Исследование затрудняется наличием огромного количества филологических сведений, с которыми необходимо совладать для целей обобщения, неравномерным распределением данных (van de Mieroop 1997), а также недостаточным объемом археологических исследований, касающихся общего демографического развития, экономических показателей и уровня жизни³.

² Наибольшее количество данных происходит из южной Месопотамии, т. е. района сегодняшнего расположения Ирака. Мы преимущественно будем заниматься этим регионом, отложив в сторону менее изученное экономическое развитие Древнего Ирана, Сирии и Леванта. Среди всех общих исследований древней истории Ближнего Востока наиболее тщательное описание экономических структур и развития содержится в Postgate (1994) и Liverani (2011). О методологии исследования клинописи см. Van de Mieroop (1999) и Radner and Robson (2011).

³ Главным исключением является основополагающее исследование развития моделей расселения в южной Месопотамии: Adams (1981). Обзоры по археологии Ближнего Востока см. в: Matthews 2003 и Wilkinson 2003.

Среда и «традиционная» парадигма древней месопотамской экономики

Древние месопотамские общества были «сложными крестьянскими обществами»: сильно стратифицированными, воздвигающими города обществами с относительно высокой степенью урбанизации (Bang 2006: 55). Природные условия в значительной степени определили экономическую деятельность (напр., Postgate 1994; Potts 1997; Wilkinson 2003; Wirth 1962). В южной Месопотамии можно выделить четыре главные экологические зоны: центральная аллювиальная долина, иссеченная реками и ирригационными каналами; болотистые дельты рек и другие заболоченные зоны; степь, граничащая с аллювиальным районом (царство пастухов); и города. Главными видами экономической деятельности, связанными с этими зонами, были поливное земледелие, охота и рыболовство, овцеводство, ремесла и другие виды городской, не связанной с сельским хозяйством, деятельности. В более гористой северной Месопотамии рельеф позволял смешивать поливное и дождевое земледелие. Главная зерновая культура, ячмень, на юге дополнялась финиками: южномесопотамское земледелие было построено на двух важнейших культурах, а не на одной. Кунжут был главным источником растительного жира, а ячменное пиво и, позже, «пиво» из сброженных фиников были главными напитками. Важно, что в южной Месопотамии, где возник урбанизм, была нехватка важнейших природных ресурсов, особенно металла, камня и хорошего дерева, и их всегда приходилось покупать в соседнем Иране, Леванте и Анатолии и, через Персидский залив, в Индии и Аравии.

Различные формы социально-экономической организации, принятые обществами, которые процветали в этой среде, часто рассматриваются как варианты одной базовой модели⁴. Следуя терминологии Liverani (2011: 41–44), эта модель основана на противопоставлении «домашнего» и «дворцового» режимов производства. Основой первого является деревня, сельскохозяйственное производство находится точно или приблизительно на уровне натурального хозяйства; производители и землевладельцы – одни и те же лица, преобладает самопотребление, обмен же ограничен, локален и по преимуществу является взаимным; полная экономическая специализация труда в основном отсутствует. Этот сектор экономики подчинен «дворцовому» (или институциональному) сектору, в котором преобладают крупные храмовые и дворцовые хозяйства. Здесь производители находятся в подневольном положении по отношению к собственникам средств производства (особенно земли); внутри институционального хозяйства имеется специализация труда и перераспределение товаров. Основой этого сектора экономики является город, т. е. он тесно связан с процессом урбанизации. Институциональный сектор в своем выживании зависит от (сезонного) труда и излишка, производимого в «домашнем» секторе экономики. Начиная особенно со II тысячелетия и далее, этот излишек централизованно собирается посредством системы сбора дани (см.: Liverani 2011: 52–53; Renger 2002, 2003, 2004; а также, например, Van de Mieroop 1999: 113–14; его подход освещен в Graslin-Thome 2009: 116–118).

Существование других режимов производства допускается сторонниками этой модели. Имеется общее соглашение о том, что во все периоды истории Месопотамии с конца IV тысячелетия до н. э. и далее (Powell 1994) частная собственность на землю (хотя и не обязательно на пахотную землю) признавалась и защищалась законом. Однако существует значительное диа-

⁴ См.: Graslin-Thome (2009: 91–131) и Jursa (2010a: 13–33), где приводится описание этой и аналогичных моделей с дальнейшими ссылками, а также описание других теоретических подходов к экономической истории Ближнего Востока, в том числе отражение дебатов между сторонниками «примитивизма» – «модернизма» и «субстантивизма» – «формализма» в этом направлении исследований древнего мира.

хроническое расхождение – и столь же значительное расхождение во взглядах между учеными – в том, какой вес следует присваивать этой и другим основанным на экономических стратегиях натурального хозяйства в сравнении с двумя секторами экономики, институциональным и (основанным на деревне) домашним (и общинным), взаимодействие между которыми служит фундаментом для основополагающей модели месопотамской экономики. Сложные системы бюрократически управляемого перераспределения в рамках крупных институциональных хозяйств, безусловно, имели огромное значение в III тысячелетии. Согласно одним ученым, по сути, все население южной Месопотамии было объединено в такие хозяйства, хотя в более поздние периоды в жизни огромного большинства населения преобладало натуральное производство на мелких участках⁵. Другие не спешат присоединяться к столь широким обобщениям (напр., Liverani 2011: 43; Van de Mieroop 1999: 115) или подчеркивают существование «частного» сектора экономики наряду с «институциональным сектором» также в III тысячелетии до н. э. (напр., Garfinkle 2012: 27), но соглашаются с тем, что на протяжении всех трех тысячелетий письменной древней истории Ближнего Востока преобладание натурального производства и «дворцового» сектора экономики оставило в лучшем случае ограниченное поле для экономических феноменов, которые могут быть классифицированы как «капиталистические» в том смысле, что они зависят – как было определено во введении к настоящему тому – от поддерживаемого государством взаимодействия права частной собственности, контрактных отношений и рынков, управляемых предложением и спросом.

Эта «двухсекторная» парадигма месопотамской экономики была разработана преимущественно на основе данных III тысячелетия до н. э. и лучше всего согласуется с этими данными. Значимость этой модели для более поздних периодов вызывает вопросы – и эти вопросы ставятся. В то время как продолжительное существование и актуальность «домашнего» и «институционального» (или «дворцового», если следовать Ливерани) режимов производства остаются вне сомнений, изменения в их кумулятивном экономическом весе требуют более гибкого применения двухсекторной модели к более поздним периодам месопотамской истории. Самое серьезное основание для сомнений являют собой имеющиеся документальные свидетельства о торговле на дальние расстояния (а также внутренней), которые доказывают существование рыночной и ориентированной на получение прибыли коммерции, поддерживаемой сложными социальными и правовыми институтами⁶, а также относящиеся к I тысячелетию до н. э. свидетельства периода экономического роста, происходившего, кроме прочего, за счет возросшей монетизации и рыночной ориентации экономического обмена. Эти феномены будут разбираться в оставшейся части данной главы.

⁵ Напр., Renger (2005; 2007: 193). См. также: Dahl (2010), где доказывается, что в конце III тысячелетия специализированные ремесленники постоянно находились на государственной службе и не производили товара для рынка. Вслед за влиятельным классицистом Мозесом Финли этот взгляд на месопотамскую экономику был принят за достаточное основание для исключения Месопотамии – как «фундаментально отличной» – из рассмотрения в более широких рамках античной (т. е. грекоримской) экономики (ссылки см. в: Jursa [2010a: 19]).

⁶ Лучше всего это зафиксировано в источниках, относящихся к первой половине II тысячелетия до н. э., но уже в III тысячелетии до н. э. была хорошо задокументирована частная предпринимательская деятельность, которая велась, в частности, на границах институциональной экономики (напр., Jursa 2002; Garfinkle 2012).

Рынки, торговля на дальние расстояния и коммерция в древности на Ближнем Востоке: аспекты капитализма

Общества в Месопотамии могли получать важные ресурсы, такие как металл, из соседних регионов путем применения насилия – устраивая вооруженные набеги, обложив их данью или путем институционального обмена дарами с иностранными правителями (напр., Veenhof 2010: 40–41). Чаще всего, однако, такие товары приобретались через торговлю. Лучшие тому свидетельства относятся к первой половине II тысячелетия. В особенности данные из северной Месопотамии, т. е. Ассирии, относящиеся приблизительно к 1850 году до н. э., документируют ориентированную на получение прибыли коммерцию в области текстиля, а также цветных и ценных металлов, которая может быть классифицирована как «капитализм» в соответствии с определениями, приведенными во введении. Караванная торговля в древней Ассирии документирована корпусом из 25000 клинописных таблиц (напр., Dercksen 2004; Veenhof 2008, 2010). Приведем здесь ее основную структуру. Центром ассирийской торговли был город Ассур, расположенный на реке Тигр. Ассирийские и иностранные купцы ввозили в Ассур ткани и медь (с юга), олово и лазурит из Ирана; кочевники привозили из городских окрестностей шерсть, из которой в Ассуре ткали ткани в домашних мастерских, которыми часто управляли женщины (как правило, это были жены купцов). Ассирийские торговцы платили за эти товары серебром. Это серебро (и золото) зарабатывалось за счет экспорта этих товаров в Анатолию.

Права царя Ассур в отношении этого ключевого аспекта экономики города были ограничены. Главная административная власть принадлежала городской ассамблее, коллективному органу, состоявшему из представителей городских элитных (купеческих) семей и управлявшему также муниципалитетом, который был экономическим центром города. Притом что город, представленный муниципалитетом, имел монополию на некоторые товары (метеоритное железо и лазурит), его основная функция в экономике заключалась в гарантии контрактов, в определении правовых рамок для всей торговли, что включало в себя гарантию стабильности системы мер и весов и чистоты ценных металлов в торговом обороте, а также в установлении дипломатических отношений с другими региональными центрами, от которых зависела ассирийская караванная торговля. Город также принимал меры для ограничения конкуренции для своих купцов со стороны торговцев из других городов (Veenhof 2010: 51–52). Двусторонние договоры гарантировали ассирийским купцам право проживания в иностранных городах, в том числе право основывать торговые колонии, экстерриториальные права, неприкосновенность и защиты от разбоя (Eidem 1991: 189). Муниципалитет также собирал налоги на товары в торговом обороте. Город делегировал определенную часть своих полномочий администрациям нескольких «колоний», основанных ассирийскими купцами в торговых кварталах городов Анатолии; в своих отношениях с анатолийцами ассирийские торговцы могли рассчитывать на поддержку местных представителей своего города.

Институты фактически существовавшей торговли обильно документированы. Торговые фирмы обычно были семейными, но караваны часто финансировались за счет «акционерных фондов» (*naruqum*, на ассирийском языке «мешок денег» [Veenhof 2010: 55]). Примерно до дюжины инвесторов – члены семьи и деловые партнеры купца, но также и просто богатые граждане Ассур – собирали ресурсы, учитываемые по золотому стандарту, в единый фонд для финансирования путешествия купца. Такие инвестиции обычно делались на десять лет с расчетом на удвоение вложенных средств плюс дополнительная прибыль. Часто выдавались и получались кредиты; на долги начислялись проценты, иногда также сложные проценты. Долговые расписки могли передаваться; это были оборотные документы, аналогичные средневековым векселям. Купцы были в курсе ценовых колебаний и рыночных механизмов и старались извлечь из них выгоду, когда только возможно. Ими двигало стремление к престижу, что

нашло свое отражение в их больших домах, обнаруженных при раскопках, и также к прибыли, как было сказано в одном предостережении, адресованном не в меру старательному торговцу: «ты любишь деньги, но ненавидишь свою жизнь».

Эти ассирийские купцы представляют собой лишь самый известный случай месопотамских торговцев на дальние расстояния, работавших в таких условиях, которые, несмотря на все участие государства – часто экспортные товары были излишками царских или храмовых хозяйств, и в I тысячелетии торговцы на дальние расстояния часто бывали царскими купцами – имели все признаки рыночной и ориентированной на получение прибыли торговли⁷. Даже когда купцы действовали в интересах государства, они лично несли на себе риск за свои действия и следовали различным стратегиям его минимизации (Graslin-Thome 2009: 381–428; Jursa 2002). Таким образом, рыночный обмен преобладал в мире торговли, особенно торговли на дальние расстояния, на протяжении древней истории Ближнего Востока. Этот сектор экономики был сферой предпринимательской деятельности, которую можно эффективно проанализировать с помощью – например – понятий неоклассической теории. Тем не менее можно утверждать, в соответствии с «двухсекторной моделью», что пример древней Ассирии и сфера торговли (на дальние расстояния) в целом не характерны для экономических структур, доминировавших в истории большей части древнего Ближнего Востока, и для жизни, которую вело подавляющее большинство его населения. Как отмечает один из самых горячих защитников роли частного предпринимательства в Месопотамии III тысячелетия до н. э., очевидно, что «люди древнего мира часто руководствовались в своих действиях мотивом получения прибыли и <...> направленные на экономию решения принимались в древности», но притом, что «значительный сегмент городского населения <...> свободно мог заниматься предпринимательской деятельностью», «наибольшая часть населения <...> была абсолютно зависимой от институтов, контролировавших труд» (Garfinkle 2012: 153). Только в случае I тысячелетия до н. э. и, в частности, южной Месопотамии в конце VII, в VI и в начале V веков до н. э. (об этом периоде говорят как о «долгом шестом веке») можно доказать, что произошел общий переход экономики к операциям рыночного характера. Результатом этого перехода стал интенсивный экономический рост, совпавший с экстенсивным экономическим ростом – возможный случай «мальтузианской сингулярности»⁸. На протяжении оставшейся части данной главы будут обсуждаться соответствующие исторические свидетельства.

⁷ О периоде конца III тысячелетия до н. э. см.: van Driel (2002) and Garfinkle (2012), о южной Месопотамии (Вавилоне) во втором тысячелетии до н. э. см.: Stol (2004: 868-99), о I тысячелетии до н. э. см.: Graslin-Thome (2009).

⁸ См.: Goldstone (2002) и Введение, с. 6.

Экономический рост в Вавилоне в I тысячелетии до нашей эры

Основная экологическая и технологическая структура экономической жизни Вавилона в I тысячелетии до н. э., и в том числе в «долгом шестом веке», которому будет в основном уделено внимание на этих страницах, существенно не отличалась от структуры более ранних периодов: Вавилон все еще был преимущественно аграрным обществом, зависевшим от поливного земледелия, сконцентрированного на двух главных культурах: ячмене и более трудоемком, но и более продуктивном выращивании фиников. Овцеводство было третьим основным видом сельскохозяйственной деятельности.

Внутри этих рамок определенный набор взаимозависимых экологических, демографических и политических факторов вызвал структурные экономические изменения. К VIII веку до н. э. климатическая аномалия, в значительной мере способствовавшая кризису ближневосточного мира примерно на рубеже тысячелетий, прекратилась: климат стал более влажным, речная система в аллювиальной долине Месопотамии стабилизировалась, и условия для сельскохозяйственного производства в южной Месопотамии заметно улучшились. Численность населения увеличилась, и началась фаза роста урбанизации (Adams 1981). В политическом отношении подъем Новоавилонской империи в конце VII века положил конец продолжительному периоду волнений и войн. Будучи центром империи, простиравшейся от Леванта до подножий Иранского нагорья, Вавилон мог пожинать плоды как мира, так и господствующего имперского положения.

Совместное действие этих факторов спровоцировало расширение экономики и далеко идущие изменения⁹. Этот процесс можно подробно проследить благодаря огромному количеству качественных и не столь обильных, но все же очень многочисленных количественных данных. Мы сосредоточимся здесь на «долгом шестом веке», начавшемся с подъема Вавилона в конце VII века и окончившемся в 484 до н. э., когда вавилонские восстания против Ксеркса и персидских репрессий вызвали существенные сбои в социально-экономической жизни страны. Более 20000 клинописных табличек документируют этот период (Jursa 2005); значительно большее их число остаются неопубликованными. Результат этой экономической трансформации в период длиной 130 лет («долгий шестой век»), последовавший за падением Ассирии (612 год до н. э.) и подъемом Вавилона, можно обрисовать следующим образом. Сельскохозяйственное производство в целом выросло и имело четкую рыночную направленность. Значительная (хотя и не поддающаяся количественной оценке) часть городского населения имела профессии, не связанные с сельским хозяйством; наблюдалась высокая степень специализации труда. Большая часть городской и сельской рабочей силы состояла, впервые за всю историю Месопотамии, не из подневольных, а из свободных наемных работников, которые получали рыночную плату в серебряных деньгах. Экономика была монетизирована больше, чем когда бы то ни было – серебро не только служило средством расчетов в крупных сделках, но и работало в повседневных расчетах. Мало кто среди городского населения мог полностью оставаться в стороне от монетарной экономики. Модели потребления говорят о существенно более высоком уровне благосостояния, чем в более ранние периоды вавилонской истории.

Взаимосвязь этих феноменов, которая будет более подробно описана ниже, может быть установлена через «модель коммерциализации» в духе Смита (см., напр., Hatcher and Bailey 2001: 121–173 и Millett 2001; Jursa 2010a: 783–800 о применении модели к настоящему времени). Демографические изменения – один важный стимул для сельскохозяйственного

⁹ Следующий аргумент основан на моей работе (Jursa 2010a), где можно найти все необходимые ссылки на документы. Приведенные здесь ссылки выборочны.

и коммерческого развития и технологического прогресса, содействие государства – другой. Благодаря прибыльности контролируемых государством инвестиций в сельскохозяйственную инфраструктуру и в целом щедрым государственным расходам¹⁰, росту численности населения и сопутствующему процессу урбанизации был запущен (и, в свою очередь, поддерживался им) цикл экономического развития с позитивной обратной связью. Это привело к увеличению спроса и росту производства – как совокупного, так и на душу населения. Урбанизация позволила повысить степень разделения труда и экономической специализации, что вело к повышению производительности. Будучи административными, религиозными и экономическими центрами, города были очагами высокого потребления и зависели от растущего пула несельскохозяйственной рабочей силы. Открывая рыночные возможности, они стимулировали рост объема излишков сельскохозяйственного производства. Полученный в результате небольшой экономической рост не только отменил (на время) мальтузианскую угрозу, сопутствующую демографическому росту, но и позволил заметно (и измеримо) повысить общий жизненный уровень по сравнению с более ранними (и более поздними) периодами. Рассмотрим кратко некоторые источники, подтверждающие эту модель¹¹.

Демографический рост в Вавилоне с VII века и далее лучше всего просматривается в результатах археологических исследований больших территорий. Согласно Adams (1981: 178), начавшийся в этот период долгосрочный демографический рост привел к пятикратному (или более того) увеличению численности населения в регионе в течение пяти-семи сотен лет. Другие оценки более консервативны (Brinkman 1984), однако точно установлено, что в рассматриваемый период в Вавилоне жило значительно больше людей, чем в предыдущие века. Люди также жили в более крупных поселениях: городские поселения непропорционально выросли в результате «довольно внезапной, вероятно направляемой государством, политики формирования поселений» (Adams 1981: 178).

Аграрная база экономики пережила глубокую структурную трансформацию (Jursa 2010a: 316–468). Благодаря проектам строительства каналов и спонсируемым государством схемам восстановления почвы площадь культивируемых земель увеличилась. Сельскохозяйственное производство стало также более интенсивным в качественном отношении. В орошаемом земледелии были повышены посевные нормы и уменьшено пространство между бороздами по сравнению со стандартами II и III тысячелетий до н. э. Благодаря произошедшему в результате увеличению вложений труда и ресурсов вавилонское зерновое земледелие в VI веке до н. э. производило в среднем на 25 % больше дохода, чем в предыдущие периоды. Кроме того, очень многие землевладельцы в этот период предпочитали выращивание фиников поливному земледелию и обращали поля в пальмовые сады. Мир и спонсируемые государством усовершенствования ирригационной системы способствовали этому охватившему все общество тренду, направленному на долгосрочные инвестиции в сельское хозяйство. Для этого процесса существуют обильные документальные свидетельства в текстовой форме. Приведу лишь один пример: сельскохозяйственную трансформацию региона вокруг города Ниппур в центральном Вавилоне можно проследить в письменных источниках за период в четыре столетия (Jursa 2010a: 405–418). Ниппур, в конце VIII века представлявший собой регион культивации зерновых культур, в VI веке пережил определенное развитие¹² и изменился, к V столетию перейдя на

¹⁰ Наемный труд был широко доступен, как и входящий капитал в форме трофеев и дани, поступающих с периферии Вавилонской империи.

¹¹ Отметим, что в структурном отношении силы, определившие экономическое развитие в период «долгого шестого века» и позволившие южной Месопотамии вступить в фазу исключительного благосостояния, очень близки к тем силам, которые вызвали другой период интенсивного роста и экономического расцвета в том же регионе в ранний исламский период (Pamuk and Shatzmiller 2014; Pamuk (глава 8 настоящего тома)).

¹² Которое было сравнительно медленным и поздним по сравнению с развитием северного и западного Вавилона, особенно вокруг города Сиппар и в окрестностях столицы, города Вавилон.

характерный для этого периода более интенсивный режим двух культур. Важно, что сбор фиников не только давал большие урожаи на единицу площади по сравнению с орошаемым земледелием, но и был более производителен по количеству вложенного труда (на 10-100 % (Jursa 2010a: 51–52)). Преобладание садоводства в сельскохозяйственной системе данного периода является ключевым фактором для всей экономической структуры: оно вызвало охвативший все общество рост доступного сельскохозяйственного излишка и привело к увеличению производительности на душу населения сельскохозяйственного труда и, следовательно, крупнейшего сектора экономики.

Сельскохозяйственное производство диверсифицировалось под влиянием рынков (в особенности городских). В пригородах распространилось производство сельскохозяйственной продукции на продажу. Два примера служат иллюстрацией имеющихся документов. В одном архиве табличек содержатся документы, относящиеся к выращиванию на продажу лука, что прямо стимулировалось рынками Вавилона и предпринимателями, которые специализировались на продаже этого нишевого продукта: фермеры выращивали большие объемы лука, имея договорные обязательства перед посредниками, которые занимались продажей их продукции (Jursa 2010a: 216-18; Wunsch 1993, 2010). Один храмовый архив показывает, что экономическое существование крупного институционального хозяйства, которое, согласно традиционному пониманию «дворцовой экономики», должно было быть по сути своей самодостаточным, на самом деле было бы невозможно без рынка – этот храм продавал до половины своего сельскохозяйственного дохода на рынке за серебро – деньги, которые расходовались главным образом на оплату наемного труда и покупку животных, особенно овец (Jursa 2010a: 572–576). Такие феномены, как эти, не вписываются в изложенное выше традиционное представление об экономике Месопотамии.

В более ранние периоды истории Месопотамии неотчеканенное серебро служило в качестве валюты счетов и стандарта ценности, а также высокоценных денег, которые физически переходили из рук в руки только в обмен на дорогие товары (см.: Graslin-Thomé 2009: 238–254 и Jursa 2010a: 469–474). Эта роль серебра изменилась в ходе первых веков I тысячелетия до н. э. В VIII веке серебро использовалось все еще в соответствии с относительно «традиционной» схемой использования денег – серебро в основном использовалось в сделках с высокой стоимостью между профессиональными торговцами и богатыми клиентами. К VI веку эта ситуация изменилась, и серебряные деньги перестали быть непрактичными дорогими деньгами, какими являлись до этого. Многие виды сделок практически всегда осуществлялись с помощью денег, при этом не было таких сделок, в которых деньги были неприменимы. В городском контексте практически все товары и услуги были доступны при оплате серебром, от найма специализированной и неспециализированной рабочей силы до покупки продуктов. Сельские жители зарабатывали деньги в основном в качестве наемных работников в городе и в местах ведения крупного строительства в сельской местности, а также путем продажи выращенных для этой цели сельскохозяйственных культур на городских рынках.

Важность серебра отражена также в терминологии, которая впервые различает качество и степень чистоты серебра, за что в итоге начиная приблизительно с 545 года до н. э., государство начало брать на себя ответственность. Монеты должны были быть в обращении по крайней мере в период Ахеменидов, если не раньше, но вавилонская терминология была консервативной и продолжала игнорировать их существование. Все формы серебра, отчеканенного или нет, взвешивались вплоть до периода эллинизма, так что их стоимость зависела от их собственной ценности. Распространение монетарной экономики вызвало развитие новых форм контрактов, в том числе инновационные виды предприятий на основе делового партнерства. Существовали двусторонние (или многосторонние партнерства) в дополнение к товариществам коммандитного типа, состоявших из одного (или более) инвесторов и одного (или более) агентов. Здесь вавилонское право достигло значительной степени абстракции. Компания имела

собственное юридическое лицо; ее активы рассматривались отдельно от активов инвесторов (Jursa 2010b). Существовали правовые и институциональные требования для широкого использования производственного кредита, хотя практика банковских вкладов развилась в Вавилоне лишь в конце V – начале IV столетия. Эти мероприятия организовывались с различными целями: содержание таверны и пивоварение, ремесленное производство, небольшие сельскохозяйственные предприятия, региональная и дальняя торговля. Однако деловое партнерство преимущественно было способом финансирования небольших предприятий. Инвесторов, как правило, было двое или трое, а вложенные суммы оставались относительно скромными. В большинстве случаев они представляли стоимость одного или нескольких ослов, или одного или нескольких рабов, редко – стоимость дома. Финансовые возможности отдельных деловых компаний не превосходили возможностей богатых частных домохозяйств и даже не приближались к возможностям институциональных хозяйств.

Серебро обращалось на рынке. Для Вавилона рассматриваемого периода работу товарных рынков можно наблюдать с конца VII века и далее на основе качественных и весьма богатых количественных данных; для более поздних веков I тысячелетия имеется чрезвычайно богатая коллекция данных в «Астрономических дневниках» – текстах, в которых собраны серии астрономических наблюдений, а также данные о ценах и прочих «земных» явлениях (см., напр., Pirngruber 2012). Цены были явно подвержены сезонным колебаниям и законам спроса и предложения. Статистическое доказательство убедительно: цены колебались непредсказуемо, не могли быть предугаданы потребителями и были тесно связаны через замещение и взаимодополняемость (Pirngruber 2012, Temin 2002, van Leeuwen and Pirngruber 2011). Транспортные издержки и, следовательно, операционные издержки в целом, были низкими по сравнению с другими древними цивилизациями благодаря повсеместному присутствию водных путей сообщения.

Тем не менее, пожалуй, не следует переоценивать эффективность вавилонского рынка. Как и в случае Египта в поздней Античности, для которого выдвигался аналогичный аргумент (Rathbone 1997), это были рынки со «сравнительно» хорошей динамикой, «сравнительно» интегрированные рынки: «крах» был обычным явлением¹³. Возможно, к этим вавилонским рынкам может оказаться применимой концепция «базарной экономики» Бэнга, разработанная им для греко-римского мира на основе сравнительных данных (Bang 2006, 2008): «стабильная и сложная деловая среда, характеризующаяся неопределенностью, непредсказуемостью и локальной сегментацией рынков» (Bang 2006: 79). Такое наложение стабильной институциональной основы для коммерции и нестабильности, возникающей в результате действия случайных внешних факторов, безусловно полезно и применимо к вавилонским данным, однако не столь очевидно, что мы можем увидеть здесь фундаментальное качественное различие, а не плавные различия, которые отделяли древние рынки от, скажем, аналогичных институтов в Европе Нового времени.

Социальные структуры формировали развитие факторных рынков. Социально-экономическая среда была особенно благоприятна для развития рынка труда. В этот период происходил демографический рост, поэтому рабочая сила была доступна. Тем не менее у «дворцового» сектора экономики, храмовых хозяйств и приближенных к царскому двору не было в распоряжении запаса зависимых работников, которых было бы достаточно для огромных государственных инвестиций в сельскохозяйственную инфраструктуру и амбициозные проекты государственного строительства. Существенный сегмент населения не был институционально связан и свободно мог искать работу; и даже те, кто находился в зависимости от институтов, имел опре-

¹³ Несколько наиболее явных упоминаний (физических) рынков фактически указывают на то, что ничего нельзя было купить или продать (Jursa [2010a: 642] – отметим, что эти утверждения содержатся в письмах с докладами о чрезвычайных, а не обычных, обстоятельствах). О динамике вавилонских товарных рынков рассказывается, в частности, в Pirngruber (2012).

деленную степень свободы в том, чтобы независимо работать по найму, как, например, квалифицированные рабы в частной собственности (Dandamaev 1984). Значительная часть рабочей силы нанималась по контрактам, основанным на договоренностях между двумя сторонами, которые в принципе заключали контракт по своей собственной свободной воле. Размер оплаты труда служил предметом переговоров между сторонами и зависел от спроса и предложения: во время сбора урожая, например, строители могли извлечь выгоду из нехватки рабочей силы, требуя грабительски высокой платы. Историческая динамика зарплат следовала динамике цен на сырье (Jursa 2010a: 673–681).

Массовый наем рабочей силы хорошо отражен в документах храмовых архивов (Beaulieu 2005; Jursa 2010a: 661–681). Для государственных строительных проектов наемный труд был столь же важен, или даже еще более важен, чем принудительный труд. Городское ремесленное производство зависело от монетизированного обмена и от доступности наемной рабочей силы; это также вело к ремесленной специализации и к появлению новых ремесел. Лучше всего в этом смысле документировано кузнечное дело (Payne in Jursa 2010a: 688–694), пекарство (Hackl in Jursa 2010: 708) и прачечное дело – сегмент экономики, где женщины также выходили на рынок (Waerzeggers 2006). Значительная, если не наибольшая, часть находившейся в частной собственности земли сдавалась свободным арендаторам или рабам на аналогичных условиях. В иных случаях рабы фигурируют в области частного земледелия, выполняя надзорные, управляющие функции; среди обычной рабочей силы они появлялись лишь изредка (Dandamaev 1984: 252–278; Jursa 2010a: 234–235). Наконец, государственная система принудительного труда и военной службы опиралась на доступность работников и военных, которых собственники земель, обремененных налоговыми и служебными обязательствами, могли нанять в качестве замены для себя; такая замена хорошо оплачивалась наличными деньгами (Jursa 2011; van Driel 2002).

Можно выделить три основных типа землевладения: институциональные (царские и храмовые) владения; земля, принадлежавшая частным лицам; и владения, жалованные государством общинам в обмен на военную службу и налоги (Jursa 2010a: 171–205, 316–468; van Driel 2002). Институциональные владения – обширные, но часто с дефицитом рабочей силы, возделывались с помощью наемных работников и свободных (или, реже, находящихся в рабстве) арендаторов; от имени царя или храмов они часто управлялись частными исполнителями, которые вносили элемент предпринимательства в управление государственными землями. Полученные в дар царские земли возделывались получателями этих земель или свободными арендаторами. Много известно о земле в частной собственности – самом инновационном секторе вавилонского землевладения в этот период. Выращивание фиников частными лицами на небольших частных участках было в VI веке самым интенсивным и самым производительным видом сельского хозяйства, который стал предшественником изменений в аграрной сфере (Jursa 2010a: 760). Доступ к аренде земли отчасти регулировался личными отношениями, порой весьма длительными, напоминающими патрон-клиентские отношения, однако существует достаточно свидетельств, указывающих на заключение краткосрочных договоров аренды и быструю смену арендаторов, что говорит о том, что как арендаторы, которые обычно были свободными людьми, так и землевладельцы проявляли достаточную гибкость. Был возможен широкий диапазон экономических отношений между арендаторами и арендодателями, что отражает взаимодействие экономических и социальных сил на «рынке аренды». В целом контрактное право и обычаи создали стабильные и предсказуемые институциональные рамки, и, кроме институциональной сферы и ее частичной опоры на труд зависимых людей, в источниках содержится мало информации об использовании ограничений и применении власти со стороны землевладельцев.

Права собственности были обычно хорошо определены и хорошо защищены; институциональные права (или права государства) на землю пересекались с правами частной собствен-

сти лишь в нескольких очевидных случаях. Земля, возделанная посредством государственного вмешательства, облагалась определенного рода налогами и трудовой повинностью, а храмы могли наложить на определенные владения рудиментарное требование десятины. Ни в том ни в другом случае, однако, не было запрета на отчуждение такой земли частными собственниками. Фактически только царская земля, дарованная военным, не могла продаваться (но могла закладываться, сдаваться в аренду и переходить по наследству); во всех остальных случаях не было абсолютно никаких юридических запретов на покупку и продажу земли. В действительности царская и храмовая земля отчуждалась очень редко и только в чрезвычайных обстоятельствах; однако смена собственников земли, находившейся в частной собственности, очень хорошо отражена в документах. Можно обоснованно говорить о земельном рынке: права собственности гарантировались законом, а свойства и качества земли были решающими факторами в определении цены. Тем не менее встроенность этого рынка в социум определяла рамки, в которых он функционировал; существовали ментальные установки, предписывавшие всеми силами избегать продажи земли, поэтому большинство сделок были вынужденными; и даже при этом землю предпочитали продавать равным по социальному положению. Из-за этих социальных ограничений доступ к культивируемой земле путем покупки был затруднен для людей со стороны. Когда такие сделки заключались, как правило, следует предполагать, что они совершались в условиях существенного дисбаланса между влиятельностью и экономическими ресурсами «внешнего» покупателя и продавца.

Если сосредоточиться на данных о производстве, что и было сделано на предыдущих страницах, превосходная работа вавилонской экономики в ходе «долгого шестого века» (по стандартам данного региона в древности) очевидна; ее рост был как интенсивным, так и экстенсивным. Рост производительности труда на душу населения наиболее очевидным образом следует из общего перехода в сельском хозяйстве от выращивания зерновых к садоводству. Эта характеристика экономики может выделиться еще рельефнее, сконцентрироваться на потреблении и уровне жизни (Jursa 2010a: 804–816). О вопросах методологии см., например, Morris (2004, 2005) и Scheidel (2010). В отсутствие надежных и подробных археологических исследований, касающихся тех данных, по которым можно судить об уровне жизни (телосложение, питание, смертность и ожидаемая продолжительность жизни, болезни, жилье), следует использовать текстовые данные. Оплата труда в пшенице, т. е. то количество пшеницы, которое можно было купить на среднюю дневную оплату труда неквалифицированного свободного рабочего, представляет собой грубый, но эффективный индикатор реального дохода. В большинстве древних и средневековых обществ преобладает дневная плата в размере 3,5–6,5 литров пшеницы (Scheidel 2010), однако вавилонцы в «долгом шестом веке» зарабатывали 9,6–14,4 литров, существенно больше, чем их месопотамские предшественники в конце III – начале II тысячелетия до н. э. (4,8–8 литров). Это серьезный показатель необыкновенно высокого уровня благосостояния на протяжении значительной части «долгого шестого века». Сравнение документов о приданом и наследстве времен Старого (ок. 2000–1600 годов до н. э.) и Нового Вавилона, в которых даются подробные списки предметов домашнего обихода и материальных ценностей в целом, указывает в том же направлении: городские хозяйства VI века до н. э. владели значительно более широким рядом предметов домашнего обихода, чем их социальные аналоги XVI и XVII веков, а приданое и наследство было значительно богаче (Jursa 2010: 806–811). Эти данные подтверждают обобщенные выше результаты производственно ориентированного исследования; они дают нам связную картину периода сравнительного процветания, который наступил благодаря экономическому росту вследствие повышения производительности сельского хозяйства, стимулам растущего городского населения и культуре сравнительно свободного экономического обмена при низких транзакционных издержках. На протяжении значительной части «долгого шестого века» экономика также выиграла от потоков богатства,

поступавших благодаря имперскому доминированию на существенной территории Ближнего Востока.

Вклад государства в создание и поддержание этой динамичной экономики был, вероятно, решающим. Нововавилонскому царству, а позже Персидской империи в основном удалось поддерживать мир на своей территории, что было решающей предпосылкой для экономического развития в «долгом шестом веке». Во-вторых, финансируемые государством крупномасштабные строительные проекты, направленные на культивацию и мелиорацию земель, частично трансформировали сельский пейзаж. Схемы, по которым раздавались наделы царской земли в VII и начале VI века до н. э., дали первоначальный импульс культивации бесплодной или недостаточно используемой земли вокруг городов после десятилетий войн и волнений. Корона сформировала институциональный, административный и технический фундамент сельского хозяйства Нового Вавилона. Она продвигала коммерческое развитие, способствуя предпринимательской деятельности на границе между институциональной и частной экономикой. Она также вмешивалась в денежную систему, вводя различные способы защиты качества серебра (и пытаясь установить фиксированные процентные ставки). После инвестиций в аграрную инфраструктуру наиболее важным вкладом нововавилонских царей в расширение экономики в период их правления была их дорогостоящая строительная деятельность. Огромные новые храмы, дворцы, городские стены и прочие оборонительные сооружения в стране финансировались в значительной степени за счет дани и трофеев из Ассирии, Сирии и Леванта. Благодаря этим строительным предприятиям в денежное обращение поступали большие средства, которые временно позволили множеству неквалифицированных городских работников существовать главным образом на заработанные деньги, поскольку они могли найти себе работу на протяжении большей части года. Имперское доминирующее положение, таким образом, лежит в корне инфляционного процесса, в результате которого серебро упало в цене примерно на треть по сравнению со II тысячелетием до н. э., впервые в истории Месопотамии позволив серебру функционировать в качестве денег на все случаи жизни. Более того, требуемые государством (денежные) налоги и военная служба способствовали росту монетизации экономического обмена; желая того или нет, налогоплательщики были вынуждены вступить в монетарную экономику.

В заключение скажем, что та картина, которая возникает из чтения предложенных здесь исторических свидетельств, представляет собой некоторый ограниченный вариант истории успеха по Смиуту, как иногда бывает и в случае с другими экономистами прошлого. Данный случай интересен потому, что он имел место в столь ранний период, а также благодаря своим частным особенностям, комбинации демографических и климатических факторов *longue durée* (время большой длительности) с определенными, имеющими значительно более временный характер, элементами *l'histoire conjoncturelle* (циклическая история и история событий), если воспользоваться терминологией Броделя. В частности, продвижение аграрного развития и монетизации обмена, которое привело к экономическому росту и повышению благосостояния, произошло благодаря доминирующей имперской позиции. Соответственно, политические же изменения как косвенный результат завоевания Вавилона персами (539 год до н. э.) стали причиной завершения столь благополучного VI века; новый правящий класс поставил процветающие страны в такие рамки, которые в конечном итоге подорвали основу этого процветания.

В конце V века и позже, после неудачного восстания против персидского господства, благоприятное положение традиционных городских вавилонских элит, которые были главными действующими факторами экономического роста в предшествующий период, пошатнулось. Государственная политика больше не служила их экономическим интересам, как было во времена нововавилонского царства и, благодаря институциональной инерции, в первые десятилетия персидского правления. Расширение крупного землевладения среди персидской знати и вавилонских сторонников персидского правления внесло в социально-экономическую систему

Вавилона класс агентов, благосостояние которых зависело от использования ими политической власти, а не от коммерции и сельскохозяйственного бизнеса, основанных на стабильной правовой системе и общем признании прав собственности. У новой элиты было больше власти для принуждения рабочей силы, чем у высших городских классов в Вавилоне VI века, и, возможно, имела тенденция к извлечению из провинции как можно большего объема ресурсов. Уровень оплаты труда упал, и, если доступные нам схематичные данные прочтены верно, уровень благосостояния начал стагнировать, если не снижаться. В перспективе *longue durée* процесс изменения и расширения аграрной сферы, начатый в «долгом шестом веке», продолжился в последующие века и заложил основу для исключительного процветания Ирака в начале исламского периода. Развитие, однако, не было линейным. Исключительный экономический рост в VI веке был создан в результате счастливой комбинации долгосрочных фоновых экономических и климатических условий и значительно более краткосрочных политических факторов. С исчезновением последних эта недолговечная мальтузианская сингулярность завершилась.

Литература

- Adams, R. McC. (1981). *Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain on the Euphrates*. University of Chicago Press.
- Andreau, J. et al., eds. (1997). *Economie antique. Prix et formation des prix dans les economies antiques*. Entretiens d'archeologie et d'histoire 3. Saint-Bertrand-de-Comminges: Musee Archeologique Departemental.
- Attinger, P., W.Sallaberger, and M.Wafler (2004). *Anndherungen 4, Mesopotamien. Die altbabylonische Zeit*. Orbis Biblicus et Orientalis 160/4. Fribourg and Gottingen: Academic Press/Vandenhoeck and Ruprecht.
- Baker, H.D. and M.Jursa, eds. (2005). *Approaching the Babylonian Economy: Proceedings of the START Project Symposium Held in Vienna, 1–3 July 2004*. AOAT 330. Munster: Ugarit- Verlag.
- Bang, P. F. (2006). "Imperial Bazaar: Towards a Comparative Understanding of Markets in the Roman Empire," in Bang et al. (eds.), pp. 51–88.
- . (2008). *The Roman Bazaar: A Comparative Study of Trade and Markets in a Tributary Empire*. Cambridge University Press.
- Bang, P. F. et al., eds. (2006). *Ancient Economies, Modern Methodologies: Archaeology, Comparative History, Models and Institutions*. Bari: Edipuglia.
- Beaulieu, P.-A. (2005). "Eanna's Contribution to the Construction of the North Palace at Babylon," in Baker and Jursa (eds.), pp. 45–73.
- Brinkman, J. A. (1984). "Settlement Surveys and Documentary Evidence: Regional Variation and Secular Trend in Mesopotamian Demography," *Journal of Near Eastern Studies* 43: 169–180.
- Charpin, D. and F.Joannes, eds. (1991). *Marchands, diplomates et empereurs. Etudes sur la civilization mesopotamienne offertes a Paul Garelli*. Paris: ERC.
- Clancier, Ph. et al., eds. (2005). *Autour de Polanyi. Vocabulaires, theories et modalites des echanges*. Paris: De Boccard.
- Dahl, J. (2010). "A Babylonian Gang of Potters: Reconstructing the Social Organization of Crafts Production in the Late Third Millennium BC Southern Mesopotamia," in Kogan et al. (eds.), pp. 275–306.
- Dandamaev, M. A. (1984). *Slavery in Babylonia from Nabopolassar to Alexander the Great (626–331 BC)*. DeKalb, IL: Northern Illinois University Press.
- Dercksen, J. G. (2004). *Old Assyrian Institutions*. Leiden: Nerderlands Instituut voor net Nabije Oasten (NINO).
- Diakonoff, I.M., ed. (1982). *Societies and Languages of the Ancient Near East: Studies in Honour of I. M. Diakonoff*. Warminster: Aris and Phillips.
- Driel, G. van (2002). *Elusive Silver: In Search of a Role for a Market in an Agrarian Environment. Aspects of Mesopotamia's Society*. Leiden: NINO.
- Eidem, J. (1991). "An Old Assyrian Treaty from Tell Leilan," in Charpin and Joannes (eds.), pp. 185–207.
- Garfinkle, S. J. (2012). *Entrepreneurs and Enterprise in Early Mesopotamia: A Study of Three Archives from the Third Dynasty of Ur (2112–2004 BCE)*. Bethesda, MA: CDL Press.
- Goldstone, J. (2002). "Efflorescences and Economic Growth in World History: Rethinking the 'Rise of the West' and the Industrial Revolution," *Journal of World History* 13: 323–389.
- Graslin-Thome, L. (2009). *Les echanges a longue distance en Mesopotamie au ler millenai-re. Une approche economique*. Paris: De Boccard.
- Hatcher, J. and M. Bailey (2001). *Modelling the Middle Ages: The History and Theory of England's Economic Development*. Oxford University Press.

Hausleiter, A. *et al.*, eds. (2002). *Material Culture and Mental Spheres. Rezeption archaologischer Denkmäler in der Vorderasiatischen Altertumskunde. Internationales Symposium für Hans J. Nissen, Berlin, 23.-24. Juni 2000*. AOAT 293. Munster: Ugarit-Verlag.

Hilgert, M., ed. (2011). *Altorientalistik im 21. Jahrhundert: Selbstverständnis, Herausforderungen, Ziele*. Mitteilungen der Deutschen Orient-Gesellschaft 142(2010). Deutsche Orient-Gesellschaft zu Berlin.

Jursa, M. (2002). *Prywatyzacja i zysk? Przedsiebiorcy a gospodarka instytucjonalna w Mezopotamii od 3 do 1 tysiąclecia przed Chr* [Polish: Privatization and Profit? Entrepreneurs and Institutional Households in Mesopotamia from the Third to the First Millennium BC]. Poznan: Poznanskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk.

—. (2005). *Neo-Babylonian Legal and Administrative Documents: Typology, Contents and Archives*. Guides to the Mesopotamian Textual Record 1. Munster: Ugarit-Verlag.

—. (2010a). *Aspects of the Economic History of Babylonia in the First Millennium BC: Economic Geography, Economic Mentalities, Agriculture, the Use of Money and the Problem of Economic Growth*. With contributions by J. Hackl, B. Janković, K. Kleber, E. E. Payne, C. Waerzeggers, and M. Weszeli. AOAT 377. Munster: Ugarit-Verlag.

—. (2010b). “Business Companies in Babylonia in the First Millennium BC: Structure, Economic Strategies, Social Setting,” in Wissa (ed.), pp. 53–68.

—. (2011). “Steuer. D. Spätbabylonisch,” *Reallexikon der Assyriologie* 13 (1/2): 168–175.

—. (in press a). “Factor Markets in Babylonia from the Late Seventh to Fourth Century BC,” *Journal of the Economic and Social History of the Orient*.

—. (in press b). “Market Performance and Market Integration in Babylonia in the ‘Long Sixth Century’ BC,” in van der Spek *et al.* (eds.).

Kogan, L. *et al.*, eds. (2010). *City Administration in the Ancient Near East: Proceedings of the 53rd Rencontre Assyriologique Internationale*, vol. II. Winona Lake, IN: Eisenbrauns.

Landes, D. S., J. Mokyr, and W. J. Baumol, eds. (2010). *The Invention of Enterprise: Entrepreneurship from Ancient Mesopotamia to Modern Times*. Princeton University Press. Larsen, M. T. (1982). “Your Money or Your Life! A Portrait of an Assyrian Businessman,” in Diakonoff (ed.), pp. 214–245.

Leeuwen, B. van and R. Pirngruber (2011). “Markets in Pre-Industrial Societies: Storage in Hellenistic Babylonia in the Medieval English Mirror,” *Journal of Global History* 6: 169–193.

Leick, G., ed. (2007). *The Babylonian World*. London and New York: Routledge. Liverani, M. (1998). *Uruk la prima città*. Roma and Bari: Laterza.

(2011). *Antico Oriente. Storia società economia*. Rome and Bari: Laterza. Manning, J. G. and I. Morris, eds. (2005). *The Ancient Economy: Evidence and Models*. Stanford University Press.

Matthews, R. (2003). *The Archaeology of Mesopotamia: Theories and Approaches*. London and New York: Routledge.

Morris, I. (2004). “Economic Growth in Ancient Greece,” *Journal of Institutional and Theoretical Economics* 160: 709–742.

—. (2005). “Archaeology, Standards of Living, and Greek Economic History,” in Manning and Morris, pp. 91–126.

Pamuk, Ş., and M. Shatzmiller (2014). “Plagues, Wages and Economic Change in the Islamic Middle East, 700–1500,” *Journal of Economic History*, 74.

Pirngruber, R. (2012). “The Impact of Empire on Market Prices in Babylon in the Late Achaemenid and Seleucid periods, ca. 400–140 B.C.” Ph.D. Thesis Vrije Universiteit Amsterdam.

Postgate, J. N. (1994). *Early Mesopotamia: Society and Economy at the Dawn of History*, 2nd edn. London and New York: Routledge.

Potts, D. T. (1997). *Mesopotamian Civilization: The Material Foundations*. London: Athlone Press.

- Powell, M. (1994). "Elusive Eden: Private Property at the Dawn of History," *Journal of Cuneiform Studies* 46: 99-104.
- Radner, K. and E. Robson, eds. (2011). *The Oxford Handbook of Cuneiform Culture*. Oxford University Press.
- Rathbone, D. (1997). "Prices and Price Formation in Roman Egypt," in Andreau *et al.* (eds.), pp. 183–244.
- Renger, J. (2002). "Wirtschaftsgeschichte des alten Mesopotamien. Versuch einer Standortbestimmung," in Hausleiter *et al.* (eds.), pp. 239–265.
- (2003). "Oikos, Oikoswirtschaft," *Reallexikon der Assyriologie*, 10 (1/2): 43–45.
- (2004). "Palastwirtschaft," *Reallexikon der Assyriologie*, 10 (3/4): 276–280.
- (2005). "K. Polanyi and the Economy of Ancient Mesopotamia," in Clancier *et al.* (eds.), pp. 45–65.
- (2007). "Economy of Ancient Mesopotamia: A General Outline," in Leick (ed.), pp. 187–197.
- Scheidel, W. (2010). "Real Wages in Early Economies: Evidence for Living Standards from 1800 BCE to 130 °CE," *Journal of the Social and Economic History of the Orient* 53: 425–562.
- Spek, R.J. van der, B. van Leeuwen, and J.L. van Zanden, eds. (in press). *A History of Market Performance from Ancient Babylonia to the Modern World*. London and New York: Routledge.
- Stol, M. (2004). "Wirtschaft und Gesellschaft in altbabylonischer Zeit," in Attinger, Sallaberger, and Wafler (eds.), pp. 643–975.
- Streck, M. P. (2010). "GroBes Fach Altorientalistik. Der Umfang des keilschriftlichen Textkorpus," in Hilgert (ed.), pp. 35–58.
- Temin, P. (2002). "Price Behaviour in Ancient Babylon," *Explorations in Economic History* 39: 49–60.
- Van de Mierop, M. (1997). "Why Did They Write on Clay?" *Klio* 79: 1-18.
- (1999). *Cuneiform Texts and the Writing of History*. London and New York: Routledge.
- Veenhof, K.R. (2008). "The Old Assyrian Period," in Wafler (ed.), pp. 13-263.
- (2010). "Ancient Assur: The City, its Traders, and its Commercial Network," *Journal of the Social and Economic History of the Orient* 53: 39–82.
- Waerzeggers, C. (2006). "Neo-Babylonian Laundry," *Revue d'Assyriologie* 100: 83–96.
- Wafler, M., ed. (2008). *Annäherungen 5, Mesopotamien. The Old Assyrian Period, part I*. Or-bis Biblicus et Orientalis 160/5. Fribourg and Göttingen: Academic Press/Van-denhoeck and Ruprecht.
- Wilkinson, T. J. (2003). *Archaeological Landscapes of the Near East*. Tucson: University of Arizona Press.
- Wirth, E. (1962). *Agrargeographie des Irak*. Hamburger Geographische Studien 13. Hamburg: Institut für Geographie und Wirtschaftsgeographie.
- Wissa, M. ed. (2010), *The Knowledge Economy and Technological Capabilities: Egypt, the Near East and the Mediterranean Second Millennium B.C. – First Millennium A.D. Proceedings of a Conference Held at the Maison de la Chimie Paris, France 9-10 December 2005*. Aula Orientalis Supplementa 26. Barcelona: Aula Orientalis.
- Wunsch, C. (1993). *Die Urkunden des babylonischen Geschäftsmannes Iddin-Marduk. Zum Handel mit Naturalien im 6. Jahrhundert v. Chr.* Groningen: Styx.
- (2010). "Neo-Babylonian Entrepreneurs," in Landes *et al.* (eds.), pp. 40–61.
- Zawadzki, S. (2005). "The Building Project North of Sippar in the Time of Nabonidus," in Baker and Jursa (eds.), pp. 381–392.

3. Капитализм и древнегреческая экономика

Ален Брессон

МОЖЕМ ЛИ мы говорить о капитализме в древнегреческом мире, приблизительно с 800 года до н. э. и до начала нашей эры? Или этот вопрос полностью лишен смысла? Оправданно ли проведение параллели между историческим развитием древнего классического мира, сначала Греции, а затем Рима, и развитием европейской «капиталистической революции» в раннее Новое время и Новое время? Должны ли мы использовать более широкое определение «капитализма» для того, чтобы осмыслить «капиталистические аспекты» таких обществ, как те, что существовали в классическом Средиземноморье? Всё это вполне осмысленные вопросы. Но для начала следует подчеркнуть, что включение экономики существовавших в прошлом государств, таких как Вавилон или государства классической античности, в дискуссию о «капитализме» включает в себе ряд самых желательных преимуществ. Во-первых, это позволяет нам вернуться к диалогу об экономическом развитии в перспективе *longue durée*, который был прерван на десятилетия. Во-вторых, что не менее интересно, не только возможные сходства, но и противоположности в организации этих сложных экономических систем прошлого и современных «капиталистических» обществ ведут к взаимным вопросам о формах их экономического развития. По-новому может быть также поставлен не теряющий актуальности вопрос о том, почему экономические системы классического античного периода «не смогли» совершить «большого скачка» к современному капитализму и вообще современности.

Античность и капитализм

Тема возможной «капиталистической» природы античной экономики активно обсуждалась в немецких академических кругах в конце XIX – начале XX веков. Это был период индустриализации, который сопровождался радикальной трансформацией не только организации производства, но и социальной организации в целом. За период продолжительностью в три поколения, приблизительно с 1830 по 1900 год, все еще преимущественно аграрное общество, где сельское хозяйство и ремесла составляли основную массу производства, было вытеснено и на смену ему пришел мир преимущественно городской, где преобладали тяжелая промышленность и массовое, ориентированное на рынок, производство. Банки и фабрики стали основой структуры нового социально-экономического пейзажа. Капитализм, или то, что таковым представлялось, можно было проанализировать как сочетание, с одной стороны, новой финансовой системы, способной мобилизовать огромные финансовые средства, и, с другой стороны, новых методов производства и организации, направленных на массовое производство; при этом в самом центре этой конфигурации был научный прогресс. Эта структура позволила очень сильно повысить количество энергии и производства на душу населения. Она также поставила под сомнение традиционные ценности и формы общественной жизни старого режима, преобладавшего в течение столетий. В Европе, а именно в Германии, переход к новой социальной системе оказался особенно быстрым. Прорыв был настолько мощным и впечатляющим, что не мог не вызвать дискуссий среди общественных мыслителей, экономистов и историков в новых и замечательно активных немецких университетах. Кроме того, в этом мире все еще был в самом зените престиж классического мира, и представители элитных кругов были, как правило, погружены в латинскую и греческую культуры. Поэтому неудивительно, что был поставлен вопрос о том, могли ли Греция и Рим, эти престижные цивилизации прошлого, с их колоссальными достижениями в искусстве, литературе и философии, пережить похожую трансформацию. Это стало отправной точкой дискуссии о природе античной экономики, которая ведется до сих пор.

Фактически в самом начале споры о природе античной экономики развились в рамках дискуссии о том, какую политику следовало принять Германскому рейху. От свободной торговли скоро отказались как от британского фокуса, направленного на завоевание иностранных рынков. Немецкое государство поддерживало политику государственного вмешательства и закрытого экономического развития с высокими импортными и низкими экспортными пошлинами, направленными на завоевание зарубежных рынков. Эта политика «национальной экономики» была принята и теоретически развивалась в различных кругах немецкой академической среды. Немецкая историческая школа экономики постулировала целостный подход и яростно противостояла британским защитникам экономического либерализма и их концепциям, основанным на предпочтениях индивидуумов на открытом рынке.

Это были исторические предпосылки дискуссии о природе античной экономики. Главный вопрос заключался в том, разделяла ли античная экономика черты нового «капиталистического общества». На этот вопрос давались диаметрально противоположные ответы. Однако большинство участников спора разделяло эволюционную точку зрения, пропитывавшую европейскую мысль того времени, которая предполагала, что каждый «этап» в истории человечества характеризовался особой формой экономической и социальной организации. Среди самых видных фигур исторической школы был Карл Бюхер, питавший сильнейший интерес к античной экономике. С его точки зрения, античный мир не только игнорировал капитализм, но представлял собой антимодель капиталистического общества, как он доказывал в своей книге о «подъеме национальной экономики» (Bucher 1968 [1893]). Для него капиталистическая экономика должна была определяться существованием, с одной стороны, основ-

ного капитала в форме машин, сырья и соответствующих зданий, а также, с другой стороны, существованием абстрактного капитала в форме кредитов, облигаций, акций и других финансовых инструментов. Финансы обеспечивали связь между составляющими экономики. Для Бюхера античный мир не имел каких-либо «признаков капитализма» и находился на этапе домашнего производства и потребления. Каждое домохозяйство стремилось удовлетворить собственные нужды. Самодостаточность была также девизом и для государства. Торговля и деньги играли незначительную роль. Только намного позже, после этапа «городской экономики» (Средние века), смогла развиваться национальная экономика, соответствовавшая эпохе капитализма. Легко видеть, почему Бюхер стал лидером направления, которое скоро было названо «примитивистской» школой древней экономики.

Наиболее известными оппонентами этой теории были историки Эдуард Мейер и Карл Юлиус Белох, которые, напротив, усматривали в античном мире необыкновенно «современное» экономическое развитие (Finley 1979, Schneider 1990). Они отстаивали идею о колоссальном и беспрецедентном развитии городов и городского населения, введении чеканки монет и вообще использовании денег, а также мощном развитии торговли. Согласно Мейеру, можно было также наблюдать существование фабрик и конкуренции между городами с целью выгодного представления своей продукции на зарубежных рынках. Кроме того, Мейер считал, что «большие деньги» (*das Große Kapital*) стали причиной исчезновения мелких ферм. В таком описании древнегреческая экономика предстает очень похожей на современную. Именно поэтому, в противоположность Бюхеру, Мейер и Белох могут быть определены как «модернисты». След эволюционизма можно заметить в описании различных фаз развития древнегреческой экономики, которые предполагались аналогичными западноевропейским фазам развития в Средние века, раннее Новое время и Новое время.

На самом деле, с самого начала должно было быть ясно, что крупные фабрики и конкуренция между городами с целью вывода продукции своего производства на зарубежные рынки не были характеристиками античной экономики. Это не означает, что не могло существовать крупных ремесленных мастерских. Такие мастерские, конечно же, могли существовать, и на них работали обычно несколько десятков работников (иногда до 120, как в случае метека Кефала, жившего в Афинах в IV веке, о чем упомянул Лисий в речи XII(19) [Todd 2000], Лисий 1994, с. 140–141), но они были редки. Даже если они могли быть организованы на базе технического разделения труда (со специализацией работы в мастерской), они не требовали существенного объема капитала, так как технологии, которые являются основанием для значительных инвестиций в станки (как во времена промышленной революции) попросту отсутствовали. Кроме того, соперничество между древними торговыми городами было нормой. Однако эти города обычно стремились получить торговые привилегии у других государств, а не состязаться в продаже своей продукции по более низким ценам на открытом рынке.

Таким образом, если вопрос о существовании капитализма ставится в смысле наличия или отсутствия крупной промышленности в античном мире (будь то Греция или Рим), то ответ на него, безусловно, будет отрицательным. Но уже во времена зарождения спора между «примитивистами» и «модернистами» в ходе этого спора о «капиталистической природе» античной экономики можно заметить интересный поворот. Вопросы вышли за пределы наличия или отсутствия фабрик. Ведь если Мейер был совершенно не прав, когда полагал, что в античном мире существовали фабрики, сравнимые с фабриками его времени, то не прав был и Бюхер, определяя экономику античного мира как экономическую систему, построенную на самопотреблении и игнорировании рынка и финансов. Отсюда Роберт Пельман понял, что в античной экономике капитал преобладал через мощное развитие торговли, процентных займов, ренты и рабства (Pohlmann 1925). Античный «дух капитализма» проявлялся в существовании людей, целиком посвящавших себя поискам прибыли. Это была практика хрематистики,

или торговли деньгами, осуждаемая Аристотелем. Знаменитое *salve lucrum* («да здравствует прибыль»), начертанное у входа в один из домов в Помпеях, могло бы быть их девизом.

Идеи Пёльмана были на одной волне с «Современным капитализмом» (1902) Вернера Зомбарта (Зомбарт 1904). Действительно, на том этапе своей карьеры находившийся под сильным влиянием марксистских идей, Зомбарт отстаивал существование двух классов населения – держателей капитала и работников, лишенных каких-либо прав собственности на средства производства. Он также подчеркивал, что капитализм требовал особого расположения ума, которое характеризуется отсутствием связи с каким-либо конкретным национальным интересом, а также в высшей степени рациональным подходом к социальным или экономическим явлениям. В соответствии с предрассудками своего времени, Зомбарт связывал капитализм с иудаизмом (Sombart 1913, Зомбарт 2005). В его глазах одной из ключевых характеристик новой капиталистической фирмы была бухгалтерская система двойной записи. Она была изобретена в Средние века в мире итальянских торговых городов, но до полного совершенства была доведена только с полным развитием капитализма. Зомбарт считал, что рациональное управление капиталистической фирмой без этой системы было невозможно.

Во многих смыслах Макс Вебер, который по праву остается гигантом среди теоретиков того периода, предложил идеи, близкие к идеям Зомбарта. Вебер полагал, что истоки капитализма находились в протестантизме (Weber 1930 [1904–1905], Вебер 2013). Кроме того, он настаивал на том, что в развитии капитализма сыграло свою роль рациональное отношение к жизни и труду в целом. Здесь решающим фактором (более значимым, чем система двойной записи в бухгалтерии, роль которой отстаивал Зомбарт) стало отделение капитала в капиталистической фирме от индивидуальной собственности (Swedberg 1998: 7-21; Weber 1968 [1921–1922]). Конечно, эти элементы абсолютно отсутствовали в древности, чему Вебер, что интересно, уделил особое внимание (Weber 1976 [1909]). Сам Вебер не воздерживался от использования термина «капитализм» применительно к античной экономике при условии, что его значение сводилось к обозначению существования развитой морской торговли, банковской деятельности, плантационного хозяйства и, конечно же, рабства (Love 1991: 9-55). Однако для него отсутствие специфических черт капиталистического развития имело также и негативную сторону. Систематическое пренебрежение усовершенствованием сельского хозяйства и отсутствие технического прогресса в производстве обрекло этот мир на экономическую стагнацию. Ограниченный рост мог продолжаться до тех пор, пока независимые города или государства были способны использовать возможности, предлагаемые фрагментированным Средиземноморьем. Стагнация с начала и до конца была решающей характеристикой античной экономики. В определении Вебера это был «идеальный тип» античной экономики (Swedberg 1998: 193–196). Унификация Средиземноморья и установление римского правления с его колоссальным увеличением роли государства запустили фатальный для экономики античного мира процесс упадка, который нельзя было остановить.

Таково было состояние научной дискуссии в 1920-е годы. Любопытно, что эта дискуссия застыла, дойдя до конца 1980-х годов в форме окаменелости. Она сосредоточилась лишь на самой примитивистской стороне Вебера, как было со знаменитой «Античной экономикой» Мозеса Финли (Finley 1999 [1973]). Вплоть до предыдущего поколения все еще предполагалось, что Древняя Греция представляла собой общество, в котором доминировала элита, состоявшая из богатых землевладельцев, которые жили в городах и эксплуатировали бедную деревню, где люди жили в полнейшей нищете. Преобладавшая ортодоксальная точка зрения признавала существование торговли, но эта торговля предполагалась ограниченной, поскольку считалось, что она функционировала почти исключительно ради обеспечения предметов роскоши для элиты. Финансовые операции при таком понимании должны были оставаться примитивными и в основном заключаться в практике частных ростовщиков. Могло происходить увеличение численности населения или даже рост объемов производства. Но такой (ограни-

ченный) рост имел бы чисто экстенсивный характер, т. е. был бы механическим результатом роста численности населения. Но интенсивного роста с соответствующим ростом доходов на душу населения не предполагалось. Отсутствие роста производительности связывалось с отсутствием технического прогресса, в свою очередь коренившегося в отсутствии интереса элиты к любому рода инвестициям в исследования.

Вывод был очевиден: стагнирующая экономика и общество, основанное на сборе земельной ренты с бедных эксплуатируемых крестьян, вряд ли могут быть определены как капиталистические. Именно поэтому также возможный «капиталистический» аспект классической античной экономики теперь был полностью исключен из общей картины. Если бы такое видение было верным, для Древней Греции не было бы места в мировой истории капитализма.

Эта, казалось бы, столь авторитетная ортодоксальная позиция сейчас полностью утратила актуальность. Последние исследования (Bowman and Wilson 2009; Scheidel 2012; Scheidel, Morris, and Sailer 2007) создали новую, гораздо более динамичную, картину античной экономики в целом. Это не делает античную греческую экономику «современной капиталистической экономикой». Но среди передовых обществ этого периода, соответствующего отрезку времени приблизительно с 1000 года до н. э. по 1700 год н. э., когда основная масса выпускавшейся продукции являлась продукцией сельскохозяйственного производства, Древняя Греция (а после нее Римская империя в начале своего существования) демонстрирует признаки исключительно динамичного общества и экономики. Наблюдался удивительно интенсивный рост, основанный на очень благоприятных глобальных институциональных рамках, разделении труда, экстенсивной торговле, радикальных улучшениях в финансовой и договорной практике, а также технических нововведениях.

Это не делает Древнюю Грецию истинным капиталистическим обществом, если мы ограничим определение капиталистического общества до такого, в котором созданный человеком капитал (а не земля) является главным фактором производства и где накопление капитала в рамках конкурентных рынков играет ключевую роль в определении экономических институтов. Однако Древняя Греция по праву занимает свое место в мировой истории капитализма, так как служит источником сравнительной информации для последующего и более продвинутого экономического развития, а также просто благодаря своему фундаментальному и долговечному вкладу в технологии, науку и экономические институты в перспективе *longue durée*.

Рост, население и потребление

Измерение роста, наблюдавшегося в прошлом, всегда представляет собой сложную задачу. Мы можем использовать только косвенные данные, на основании которых можно сделать оценку роста. Хотя сами цифры, полученные в результате такой оценки, постоянно будут объектом споров, факт происходившего роста вне сомнений, и это полностью меняет картину стагнирующего общества в старой парадигме. Именно в этом смысле выражение «богатые эллины» лучше всего характеризует древнегреческую экономику (Ober 2010). Экономический рост греческого мира не происходил в изоляции внутри Средиземноморья. Он вызывал более обширный рост, в котором Запад занял отчетливую лидирующую позицию после 200 года до н. э. и, в свою очередь, был частью этого роста. Данные статистики кораблекрушений в период с 700 года до н. э. до начала нашей эры (рис. 3.1) неопровержимо свидетельствуют об исключительном росте торговли и, следовательно, глобального процветания в этот период. После приблизительно 50 года амфоры сменились бочками. Поскольку амфоры являются лучшим обозначением места кораблекрушения, а деревянные бочки гниют, это также означает, что кораблекрушения перестали быть столь надежным источником косвенных данных об экономической деятельности в период после I века, каким они были для предшествующего периода.

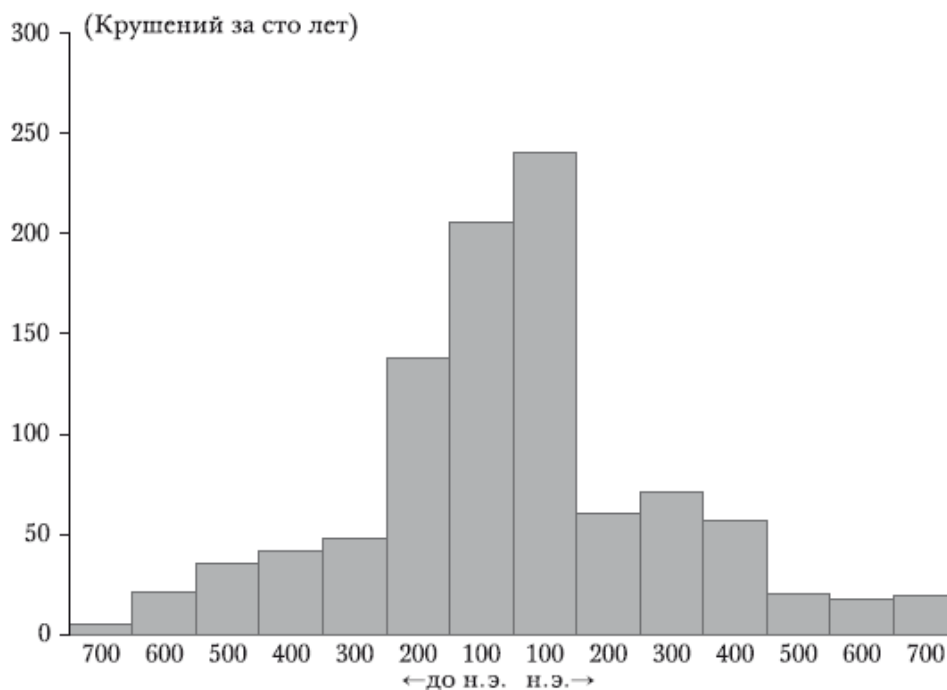

РИС. 3.1.

Средиземноморские кораблекрушения, датированные в диапазоне ста лет, показанные в соответствии с равной вероятностью крушения в любой год диапазона для каждого крушения
Источник: Wilson 2011a: 35, рис. 2.4.

Для Древней Греции археологические данные (количество населенных мест и их размер) также представляют неопровержимое свидетельство мощного демографического роста в период с начала I тысячелетия до н. э. и концом IV века до н. э., хотя и при наличии региональной специфики (Scheidel 2007: 44–47). Более точно, начиная приблизительно с 750 года до н. э. численность населения могла вырасти вчетверо (некоторые ученые утверждают, что значительно выше), а иммиграция из самой Греции привела к тому, что группы греческого

населения осели в Южной Италии, на Сицилии, а также в Северной Африке и вокруг Черного моря (Morris 2006b).

Вне всяких сомнений, материковая Греция и Киклады около 300 года до н. э. были населены гуще, чем в конце XIX столетия. После 300 года до н. э., однако, начался медленный спад, по крайней мере в материковой Греции и на островах, который стал более заметным в конце периода эллинизма. Напротив, в Малой Азии и на соседних с ней островах демографический рост продолжался до конца периода эллинизма, а это означает, что существование региональной специфики и контрастов в развитии также нуждается в объяснении, как и первоначальный всплеск численности населения в Греции. Как смогла Греция прокормить своих людей, которых становилось все больше? Этот вопрос требует ответа тем более, что, согласно археологическим данным, не только увеличивалась численность населения, но росло также производство и потребление на одного человека.

Это новое процветание можно видеть и в коллективном, и в частном потреблении. Общие блага, такие как канализация, фонтаны, стадионы, бани, а также общественные сады, праздники и иногда библиотеки в то время предоставляли услуги, которые в основном не были известны другим цивилизациям. Качество этих услуг резко выросло в конце классического периода и достигло высшей точки в период эллинизма. Что касается частного потребления, то оно широко засвидетельствовано количеством товаров, доступным значительно большей, чем пять веков назад, доле населения в классический период, а самого высокого значения этот показатель достиг в период эллинизма. Дома были больше по площади и обычно оснащались черепичной крышей и резервуаром для воды; обычными предметами потребления были одежда, основная домашняя утварь (например, столовые приборы, горшки и сковороды из керамики и металла), как правило, достаточное количество умеренно разнообразной пищи, а также ванны, металлические дверные замки, детские игрушки и надгробные камни для умерших (даже рабы иногда могли рассчитывать на небольшой памятник), о чем свидетельствуют как детали вазовой росписи, так и многочисленные археологические находки (Morris 2004, 2005; Ober 2010).

Это не делало Грецию обществом потребления в современном смысле этого слова, так как в ней все еще преобладала нужда, а не изобилие. Но по крайней мере это было общество, в котором значительная часть населения получила доступ к широкому набору базовых товаров, и даже товаров почти роскошных. Этому не было прецедентов до начала Нового времени в Англии и Нидерландах (где уровень потребления был, несомненно, еще выше). То же самое можно сказать о годовом приросте капитального дохода на душу населения, даже если этот прирост лежал в диапазоне 0,07-0,14 % (Ober 2010: 251). Совокупный темп роста в течение очень длительного периода существенно превышал показатели любого другого общества того времени. То же самое наблюдение было бы верным и в случае любого другого общества до прорыва, произошедшего в Голландии, а затем в Британии в начале Нового времени. Это означает, что древнегреческой экономике удалось также избежать обычной мальтузианской ловушки, когда рост доходов на душу населения быстро нейтрализуется демографическим ростом.

Особые условия города-государства

Чтобы осмыслить этот рост греческого мира в архаический и классический периоды – рост, который также имел место в новых эллинизированных регионах эллинистического мира, мы должны отметить, что он очевидным образом привязан к оригинальному институту: новой и специфической форме города-государства. До масштабного крушения в конце бронзового века политические и экономические институты греческого мира не отличались от институтов империй Ближнего Востока, особенно могущественных месопотамских царств. Это был мир со сложным дворцовым хозяйством, построенный на дани, выплачиваемой царю в натуральной форме местными крестьянскими общинами (Shelmerdine, Bennet, and Preston 2008). Вскоре после 1200 года до н. э. в микенской Греции, как и в ближневосточных царствах, начался процесс разрушения (Deger-Jalkotzy 2008). После этого общего кризиса в конце бронзового века восточные государства восстановились на похожей основе, где в натуральной форме выплачивалась дань, а царь снабжал продовольствием своих слуг, чиновников и солдат. Однако в I тысячелетии до н. э. мы можем наблюдать также увеличение роли ценных металлов, преимущественно необработанного серебра, в переносе стоимости. Куски серебра, надлежащим образом взвешенные, могли использоваться в сделках государством, храмами и даже людьми. Но все же серебро не было уникальной и универсальной формой оплаты или сохранения стоимости. Все еще были обычны платежи зерном или другими товарами, например при оплате труда. Однако серебро в качестве денег играло все большую роль в Вавилоне VII и VI веков (то же самое можно сказать о Месопотамии и наиболее развитых частях Ближнего Востока в период Ахеменидов). Отсюда возникла новая, хотя и специфическая, форма рыночной экономики (Jursa 2010: 469-753).

Нам не следует забывать о том, что альтернативным для греческого города-государства институтом в архаическом и классическом мире была основанная на сборе дани империя. В конце архаического периода, после 525 года до н. э., все восточные империи были объединены в одну Персидскую империю, которая переживала удивительный период роста и успеха (Bedford 2007). Не стоит умалять привлекательность этой системы и бросаемый ею вызов. Если в средиземноморско-ближневосточном мире этого времени существовал «институциональный выбор», то это был выбор между греческой моделью организации и иерархической бюрократической империей, в которой доминировала одна нация – персы.

Греческий мир пошел по совсем другому пути. После крупного падения в конце бронзового века он реорганизовался на новой основе (Morris 2006a). Новый мир железного века был основан на мириадах мелких государств, каждое из которых развило свой особый характер и часто воевало с соседями (Hall 2007). В начале железного века аристократия землевладельцев и военачальников господствовала над крестьянами и сконцентрировала в своих руках как управление подневольным трудом, так и налоги в натуральной форме, а также предметы роскоши, которые привозились с Ближнего Востока торговцами с дальними странами (Morgan 2009; Osborne 2009: 35–65). Однако вместо того, чтобы превратиться в более крупные государства, которые собирали бы дань и последовательно разрушали и вбирали в себя своих соседей, эти государства избрали другой путь.

Глубина разрушения предыдущей дворцовой системы бронзового века, безусловно, служила необходимой предпосылкой для возникновения этого особого пути, по которому стал развиваться греческий мир. Появление железа и других технологий, а также новый старт в торговле с дальними странами принесли новое благосостояние. Можно предположить, что эти аристократические государства с легкостью могли приобщиться к выгодам этого нового благосостояния. Но непрекращающиеся распри между городами-государствами привели к другому равновесному состоянию. Правящие классы нуждались в военной помощи крестьян для под-

держки независимости города-государства. По этой причине они должны были наделить обычных людей беспрецедентными политическими привилегиями. Солдаты из числа крестьян владели собственным оружием и доспехами и поэтому не могли быть превращены в массу нищих и политически безгласных зависимых сельских жителей. Даже притом что такое объяснение нуждается в более тонкой доработке (Krentz 2007), оно все же выдерживает критику. В течение длительного периода большинству городов-государств не удавалось разрушить и поработить своих соседей (Osborne 2009: 161–189). Кроме того, до краткого персидского вторжения в начале V века материковой Греции ни разу не угрожали внешние враги. (Если бы это происходило, микрогосударствам на смену пришли бы несколько или даже одно единое и мощное государство, или же агрессору легко удалось бы победить.) В результате возникла оригинальная ситуация равновесия как между городами-государствами, так и между аристократией и народом (Morris 2009).

Вместо мира, подчиненного одному суверену, или мира, в котором ограниченное количество богатых аристократов противостояло бы народу, крайне бедному и лишенному каких-либо политических прав, мы видим наделенный самосознанием народ с преуспевающим средним классом крестьян-фермеров, которые могли противостоять стремлению аристократии монополизировать политическую власть. Это была не демократия. Демократия была специфическим явлением в самом конце архаического – начале классического периодов. Но это сочетание военных и экономических возможностей крестьян-фермеров послужило основой для особой формы политического контракта внутри города-государства. Для архаического и классического греческого мира было характерно возникновение ряда политических соглашений, которым подчинялась жизнь общества.

Как это бесконечно повторялось в законах и указах уже во второй половине VII века до н. э., закон обсуждался и принимался голосованием членов сообщества и относился к каждому из них. Особые правила были призваны предотвратить монополизацию власти в городе небольшой группой или одним человеком. Это не означает, что этого никогда не случалось, но поразительная черта политической жизни Древней Греции заключалась в том, что крайние олигархические или тиранические режимы (диктаторские, как сказали бы мы сегодня) всегда оказывались нестабильными и в конце концов рушились и что рано или поздно власть регулярно возвращалась к новым, более эгалитарным, системам. Нет никакой случайности в том, что в конце архаического периода эфесский философ Гераклит смог провозгласить следующее: «Должно народу биться в пользу закона – в пользу исконного – словно за стены» (Heraclitus tr. Waterfield [2000]: 45 fragment 53 = Diels-Kranz [1951–1952] fragment 22B₄₄ = Diogenes Laertius Lives of Eminent Philosophers 9.2.2–3 Long [1964], Гераклит 2012, с. 191).

Иными словами, в древнегреческом мире правил закон. Закон обеспечивал фундаментальную институциональную основу для развития частной собственности и безопасного заключения контрактов. В классической и эллинистической Греции в случае нарушения контракта стороны могли обратиться в суд. Это было особенно важно для торговли с дальними странами, так как города обеспечивали юридические рамки, необходимые для безопасности сделок (см.: Cohen 1973; Lanni 2006: 149–174, где рассматривается ситуация в Афинах). Это, в свою очередь, обеспечивало институциональную стабильность, которая представляла собой лучший стимул для частной инициативы и экономического прогресса. В то время как в архаическом мире только богатые обладали правом голоса в городе, демократия соответствовала фазе распространения реальных гражданских прав на всех членов сообщества. Этому режиму предстояло стать стандартным в конце классического периода и на протяжении периода эллинизма. В конце периода эллинизма этот контракт был решительно нарушен, а установление господства Рима над Грецией также принесло с собой режим, при котором монополия на политическую власть принадлежала элите.

Рынок, финансы и организация бизнеса

Торговля, как внутренняя в пределах города, так и торговля с внешним миром, греческим и не греческим, имела первостепенное значение для экономики Древней Греции. Особой чертой греческого города было существование двух институтов: агоры, или внутреннего рынка, и эмпориона, т. е. рынка, ориентированного на внешнюю торговлю (Bresson 2000: 263–307). Агора была рынком, куда каждый мог принести свою продукцию и свободно ее продать под защитой закона. В древнегреческих городах налоги были сравнительно невысокими, примерно 10 % на сельскохозяйственную продукцию. Это означает, что у крестьян и других производителей был стимул доставлять на рынок намного больше продукции, чем на Ближнем Востоке, где налоги были значительно выше. Греческие рынки обеспечивали более чем удобный выход для случайных излишков; они также давали стимул производителям сконцентрироваться на поставке конкретной продукции для конкретных рынков. Это означало, что с течением времени, хотя из соображений безопасности в изменчивом мире производство основных продуктов питания на фермах никогда не прекращалось, имела место реорганизация продукции с целью ее продажи на рынке. Когда-то популярное представление о греческом сельском хозяйстве, пораженном рутинной и неэффективной и ориентированном только на самодостаточность, должно быть полностью забыто. Греческие фермеры прекрасно знали, как с выгодой использовать возможности рынка.

То, что было верно в границах города-государства, было тем более верно в отношении международной торговли. Международная торговля была чрезвычайно деятельна и играла ключевую роль в жизни городов. Она была важна также в установлении международного разделения труда. Уже в конце архаического периода (800–480 год до н. э.), а все больше и больше в классический период, растущее греческое население в самой Греции не могло прокормиться продуктами местного производства. Центр греческого мира (материковая и эгейская Греция) массово импортировал зерно из «новых миров», которые были созданы греческими колонистами в предыдущие столетия. Афины знамениты в этом отношении, так как их население во второй половине IV века зависело от импортных поставок зерна, которое составляло от двух третей до трех четвертей в общем объеме (Whitby 1998). Однако большинство других городов-государств южной материковой и эгейской Греции также массово ввозили зерно из Южной Италии, с Сицилии, из Кирены (Bresson 2011), Египта и черноморских районов. Для оплаты этого импорта греческие города продавали ценные товары, такие как масло, вино, ремесленные изделия и предметы роскоши, или платили серебром, которое добывали в больших количествах.

Демографический рост в Древней Греции был бы невозможен без этой сети торговых партнеров, которые продавали зерно, а также необработанные металлы и ткани. Доступ к «дешевому» импортному зерну (поскольку Греция никогда не смогла бы вырастить такое огромное количество зерна или других товаров, которые импортировала) также позволил Греции специализироваться на производстве высококачественной продукции. Будучи далекой от существования в форме закрытого общества, ориентированного исключительно на удовлетворение самых насущных потребностей своего населения, Древняя Греция приняла участие в первой «мировой экономике», основанной на торговле с дальними странами. Торговля с дальними странами существовала и до этого во множестве контекстов. Например, в ассирийской колонии Канеш в Анатолии в начале II тысячелетия до н. э.: олово и ценные шерстяные ткани ввозились из Ассирии в Анатолию, а золото и серебро вывозились в обратном направлении (Veenhof 1997: 338–339, Veenhof and Eidem 2008: 82–90). Дорогостоящие товары все еще были приоритетным предметом торговли с дальними странами в Месопотамии I тысячелетия до н. э. (Graslin-Thome 2009).

Специфика греческого мира заключалась в том, что благодаря морскому транспорту и высокоразвитой торговой сети торговля с дальними странами шла не только дорогостоящими вещами, но и оптовыми партиями потребительских товаров. Инициатива производства зерна (кроме Египта, который представлял собой другой мир, даже после того, как греки получили власть над этой страной в 332 году до н. э.), выбор производства всегда были в руках фермеров, вне зависимости от их социального положения. Кроме того, инициатива торговых путешествий всегда принадлежала частным лицам, хотя иногда города могли выступить в качестве частных покупателей, стремясь получить лучшую часть существовавших на международном рынке товаров. Однако даже в этом случае фактическая перевозка товаров всегда оставалась в руках частных лиц. Но торговцам был нужен как капитал, так и защищающая их правовая система. Греция и в этом отношении была удивительно прогрессивна.

Роль рынка в древнегреческой (и древнеримской) экономике по-прежнему вызывает среди ученых самые горячие споры. Вопрос о рынке самом по себе связан с вопросом о торговле с дальними странами, хотя вообще это разные вопросы. Разумеется, торговля с дальними странами представляется одной из самых очевидных форм успеха античной экономики. В самом деле, сейчас, по всей видимости, все согласны с тем, что в начавшемся в древнегреческом мире (и, как следствие греческого прорыва, во всем Средиземноморье) дальнем торговом обмене наблюдался устойчивый и значительный рост. Этот факт, даже при определенных недостатках, присущих способу косвенной оценки объемов торговли, раз и навсегда может быть доказан статистическими данными о кораблекрушениях в Средиземноморье с архаического периода до конца периода эллинизма (см. рис. 3.1 выше). Покупаться и продаваться могло все, от основных продуктов питания, таких как зерно, вино и масло, до более утонченных предметов, таких как керамика, мебель, оружие, одежда, духи и книги, а также необработанные материалы или полуфабрикаты, такие как железо, медь и свинцовые слитки, шерсть, древесина и мрамор. Свидетельства этой торговли на дальние расстояния, как в форме кораблекрушений, так и в виде археологических находок на суше и в письменных источниках, сейчас имеются в огромном количестве, и отрицать их значимость больше невозможно.

Это не означает, что древний мир Средиземноморья был рынком совершенным или единым, который можно сравнить с современным рынком. В самом деле, несмотря на торговлю с дальними странами, существование которой нельзя отрицать, очевидно также присутствие региональной специфики (о периоде эллинизма см.: Regier 2011). Что касается Рима, то спор об интеграции рынка развивается в основном в связи с величиной торговых оборотов и уровнем благосостояния участников торговли (Wilson et al. 2012). Следует также отметить, что, кроме затрат, связанных с уровнем развития технологий в то время, существенное различие между древним Средиземноморьем и сегодняшним миром заключается в том, что значительная часть товаров попадала на рынок в результате политических ограничений: так было, например, при персидских сатрапах или эллинистических царях, когда они продавали или иногда отдавали (что было еще хуже для рыночного равновесия) на международный рынок зерно, собранное ими в качестве дани. Конечно же, это сильно влияло на деятельность производителей, которые были включены в рыночную систему города-государства. То же самое происходило при массовом порабощении иностранных, как правило, «варварских» племен. Это оказывало мощное разрушительное действие на возможный «рынок труда».

Фундаментальным нововведением древнегреческого мира было создание нового денежного инструмента: отчеканенного ценного металла (Howgego 1990, 1995: 1-18; Kroll 2012; Meadows 2008; Schaps 2004). Кроме технической стороны этой системы и базовых требований, необходимых для ее введения (наличия обильных источников ценных металлов в области Эгейского моря), трансформация денег из необработанного серебра (которые использовались на Ближнем Востоке и в Греции до введения отчеканенных денег) в монеты означала радикальную трансформацию роли денег в общественных отношениях. В месопотамской и в целом

в восточномедиземноморской традиции деньги были сугубо личной собственностью. Это был товар, избираемый партнерами в сделке, и его точный состав определялся главными участниками сделки. В этом отношении государство вело себя точно так же, как и любой храм, банкир или землевладелец. В греческом же мире отчеканенные деньги означали, что город присутствовал во всех сделках, что все сделки касались города и потенциально всех его жителей. Заключение сделок в городе означало использование только той валюты, которую город наделил статусом законного платежного средства. Таким образом, сфера дорогих сделок находилась под контролем города. Эти сделки теперь были социализированы: вместо объекта чистого сопоставления сил частных лиц они стали частью сети взаимного обмена, которая определяла греческий город (о позднеклассическом и эллинистическом периодах см.: Bresson 2005a). Именно это имел в виду Платон, когда в «Государстве» (2 369c-371e) определил греческий город как сообщество, члены которого постоянно заключали сделки друг с другом к обоюдной выгоде (Bloom 1991: 46–48).

Таким образом, в зависимости от региона с конца архаического или с классического периода и позже монеты стали основной формой денег в греческом городе. Чеканка монет началась с электрума, искусственного сплава золота и серебра, на западе Малой Азии во второй половине VII века до н. э. Эта интегрированная денежная система стала уникальным и радикальным нововведением в мире того времени (Bresson 2009). Позже, в первой половине VI века до н. э., возникли первые случаи употребления чистого золота и чистого серебра. Эти два ценных металла преобладали в наиболее важных сделках (где использовались тяжелые серебряные или даже золотые монеты). Более легкие серебряные монеты, и даже бронзовые монеты с фидуциарной стоимостью, впервые введенные во второй половине V века, использовались даже в самых мелких сделках. Этот гибкий инструмент дал возможность инвестировать, например в торговлю или иной коммерческий бизнес (очень прибыльную деятельность в случае успешного путешествия).

В широком контексте скорость обращения капитала позволила финансировать любую деловую операцию. Так было в границах города, а также за его пределами, поскольку монеты с международным признанием стоимости (греки называли их «греческими деньгами») позволяли осуществлять быстрый и удобный перенос стоимости. Не подлежит также сомнению, что деньги в форме монет были инструментом государственного строительства и нового режима сбора налогов (von Reden 2007: 58–83; 2010: 18–47).

Кроме того, кредиты, выдаваемые напрямую отдельными людьми, группами «друзей», банками или святилищами, эффективно способствовали деловой активности (Chankowski 2011; Cohen 1992: 111–189; Gabrielsen 2005; Millett 1991: 109–217). Греческие города-государства в обычном порядке занимали средства, как внутри, так и вне своих границ (Migeotte 1984). Следует подчеркнуть, однако, что торговли долговыми инструментами не было ни в отношении частного, ни в отношении государственного долга (Andreau 2006). В этом, конечно же, заключается поразительное отличие от Европы Нового времени (Brewer 1989).

Исследователи деловых партнерств в мире греческих городов раньше сетовали на примитивность этих деловых партнерств. Отсутствие капиталистической фирмы, с ее развитой организационно-правовой формой, партнерством с ограниченной ответственностью и юридическим лицом предприятия, могло служить достаточным доказательством отсталости античной экономики. Те же самые замечания обыкновенно делались об отсутствии бухгалтерской системы двойной записи – единственной системы, с помощью которой можно измерить прибыльность капитала.

Действительно, современного типа капиталистической фирмы не существовало в Античности, ни в Греции, ни позднее в Риме. Нам даже следует отметить, что, будучи очень далеки от попыток создания постоянных организаций, предприниматели прилагали все усилия к разбиению своих предприятий на независимые друг от друга части. Например, вместо создания

крупных коммерческих фирм партнеры соглашались сотрудничать только на основе единовременного предприятия. В нем могло участвовать множество инвесторов и один или несколько активных партнеров (торговцев и судовладельцев). Но они собирались вместе для одного путешествия и одного предприятия. После того как прибыль была разделена, обязательства, созданные контрактом, аннулировались. Для существования структуры подобного вида могло быть множество причин.

По знаменитому определению Коуза, капиталистическая фирма, в первую очередь, определяется как альтернатива координации производства и распределения через внешние рынки (Coase 1937). Однако, парадоксально и в отличие от средневекового мира, обращение к рынку в Античности было настолько простым, что не усматривалось необходимости в строительстве постоянных фирм в строгом смысле этого слова. Инвесторы могли заключить договор с рядом различных предприятий и таким образом минимизировать риски и максимизировать прибыль, наилучшим для себя образом выбирая объекты для инвестиций. Поскольку эти сделки можно было рассматривать как последовательность отдельных сделок, рассчитать доход на вложенный капитал было просто. Здесь не возникало необходимости в сложных бухгалтерских расчетах, которые были обязательны для средневековых торговых фирм, в первую очередь, потому, что только при условии точного бухгалтерского учета было возможно распределение прибыли между партнерами фирмы. Однако любопытно также, что они не представляли собой концентрированных форм организации, которые можно наблюдать уже в начале II тысячелетия до н. э. в ассирийской колонии Канеш (Veenhof 1997; Veenhof and Eidem 2008: 90–93). Греческий бизнес действовал в совсем других институциональных рамках, был географически более разнообразен, но при этом имел сравнительно хорошие правовые гарантии и его организация была менее концентрированной и более фрагментированной, однако поэтому и более гибкой.

Если мы хотим найти «фирмы» в Античности (хотя и часто только с одним собственником), то это сделать несложно. Их следует искать в основном (но не исключительно) в сельской местности, где на крупных фермах работали рабы. Внутри фермы рынок переставал существовать и рабы должны были подчиняться приказам, как солдаты в армии. Действительно, рынок создавал условия для существования фирмы, так как, с одной стороны, здание фермы, орудия и работников можно было купить на рынке, а с другой стороны, ферма производила продукцию для рынка. Инвестиционный капитал можно было взять в долг, что делало ферму абсолютно «капиталистическим» предприятием. Однако на повседневной основе, и это является ключевым отличием от современного капиталистического мира, фермер не обращался к рынку. Будучи далек от него, он делал все возможное для того, чтобы к нему не обращаться. Притом что кредит является центральным явлением в деятельности современной капиталистической фирмы (будучи необходимым для покупки сырья или инвестиций, требуемых данным контрактом), он не играл никакой роли в производственной деятельности античной фирмы, где фермер или его агент изо всех сил старались произвести на ферме все что только можно (например, семена, орудия, продукты, тягловый скот и т. д.) и максимизировать денежный доход от продажи урожая (Bresson and Bresson 2004). Именно поэтому бухгалтерия не развилась так, как в позднее Средневековье или Новое время. В греческом мире, однако, возникла изоцированная бухгалтерская система одинарной записи, как можно видеть на примере крупных поместий в Египте Птолемеев или на Делосе, для управления крупными и сложными финансовыми операциями святилища Аполлона.

Рабство и другие формы принудительного труда

Рабство также является совершенной иллюстрацией специфического вида ограничения, которое античное государство накладывало на рынок. Образ рабства долгое время связывался с отсталыми и неуклюжими формами экономики. Ничто не могло бы быть столь далеко от истины. В действительности, практиковавшаяся в Древней Греции форма рабства, традиционно называемая системой рабского труда¹⁴, была не только совместима с ориентированной на рынок экономикой и интенсивным ростом, но только в связи с ней имела смысл.

По общему признанию, в материковой Греции в течение некоторого времени существовали различные формы принудительного труда. Первым его видом (хронологически первым в реальном применении) был труд крестьянских общин, которые должны были работать на земле своего господина (Garlan 1988: 85-106). Это была форма коллективной зависимости, как и в хорошо известном случае спартанских илотов (Hodkinson 2008). Этих крестьян нельзя было продать на рынке. Но их зависимость переходила по наследству. Это была система, в течение долгого времени преобладавшая в Южной Греции, в традиционных городах Спарты и Крита. Эти города характеризовались слабой связью с рынком, среди прочего в связи со своим желанием (в разной степени) отгородиться от международной торговли. Однако этой традиционной модели противостояли города, организованные по афинской модели, при которой каждый город объединял свою территорию, собирал вместе свои ресурсы и создавал ниши внутренних рынков. В этих городах основу труда составлял труд рабов, которых покупали и продавали на международном рынке, в то время как любая форма рабства для местного населения была запрещена. Чаще всего рабы поступали с негреческих, «варварских» территорий вокруг Эгейского моря или дальше от него (Garlan 1988: 45–55). Очевидным образом, эта система сохранялась благодаря фактору силы – в основе которого лежала эффективная военная организация свободного населения, ядро которого составляли граждане. Доля рабов в общем населении всегда была предметом дискуссий. Точно известно одно: в самых развитых греческих городах классического и эллинистического периодов рабство было массовым явлением. Рабы были заняты во всех возможных видах деятельности, как это можно видеть на примере Афин (Fisher 2003: 34–78). Они работали в сельском хозяйстве как на семейных фермах, так и (в большем количестве) в хозяйствах, которые специализировались на массовом производстве, ориентированном на рынок (особенно в изготовлении масла и вина, где требовалось много рабочей силы). То же самое относится к добыче полезных ископаемых (которое, учитывая производственные условия того времени, было сопряжено с многочисленными человеческими жертвами), а также к укладке камня и всем формам ремесла, от керамики до текстиля и изготовления оружия. Рабы также могли использоваться в качестве секретарей, учителей и управляющих, женщин обычно принуждали к проституции. Свободные работники также присутствовали во многих областях и трудились бок о бок с рабами, что можно было наблюдать на общественных стройках (Feuyl 2006). Однако не должно быть сомнений в том, что после архаического периода – по крайней мере в самых развитых греческих городах, богатых капиталом и торговыми сетями, – основная часть общего объема продукции как в сельском хозяйстве, так и в ремеслах производилась рабами.

¹⁴ Англ. «chattel-slavery», т. е. человек рассматривался как движимое имущество – «chattel». – *Прим. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.